

Тип общества, тип социальных отношений
О современной России*

О.И. ШКАРАТАН

В течение ряда лет я, как и большинство моих коллег — социологов и экономистов, рассматривал складывавшуюся после падения советской системы экономику как капиталистическую, а общество как буржуазно-демократическое (со всеми очевидными комментариями по поводу несовершенств как экономики, так и общества). Часть исследователей и аналитиков радостно приветствовали этот дрейф в сторону капитализма, другие не скупилась на отрицательные суждения и эмоции, а третьи принимали этот процесс как неизбежность, не выставляя положительных или отрицательных оценок. При этом многие наши коллеги пришли к выводу, что лидерами и инициаторами этого революционного по своему существу переустройства страны были представители советской номенклатуры, а не российские интеллигенты с их оппозиционностью по отношению к советскому режиму. Конечно же, и у сторонников реформ не совпадали оценки приватизации, налоговой системы, социальной политики.

Лишь одиночки, чьи голоса оставались неслышанными, рассуждали как бы поперек общего течения мысли. Они говорили и писали не о том, к дикому ли или к какому-то другому капитализму ведет Россию судьба, президент или иные силы, а о том, что страна идет своим особым и совсем небуржуазным путем. Все эти обсуждения лишь начинаются, но понять процессы, происходящие сейчас в России, возможно только при осмыслении той специфической эволюции, которую проделала страна на протяжении XX в., впрочем при хотя бы пунктиром намеченных исторических напластованиях прежних эпох.

Вводные замечания

Примерно десять лет назад один литовский автор написал следующие примечательные строки, вся отчаянная справедливость которых стала очевидной именно в последнее время и с особой силой показала себя здесь, у нас, в России: «Новый человек социалистического общества уже создан... Мы родились в гниющей сис-

* Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам: экономическая социология и социальная стратификация.

теме и, подрастая, не созревали, а гнили вместе с нею... Мы никогда нормально не работали -только прикидывались работающими... Мы уже не умеем жить при демократии... Нам не стоит питать иллюзий, что мы все еще остаемся европейцами или что мы можем в одночасье превратиться в них. Все наши братья - по эту сторону стены: эстонцы, грузины и те русские, которые все еще ощущают боль в перебитом позвоночнике. Мы вместе прошли концлагерь... Нас и людей Запада разделяют, по меньшей мере, 50 лет. Мы - их дедушки и бабушки» (1).

Таких образных картинок с «выставки» наших драм и противоречий можно приводить до бесконечия. Проблема в их объяснении. Доминирует представление, что эти явления порождены социализмом. Подавляющее большинство аналитиков квалифицируют общества советского типа как социалистические, да таково и восприятие этих обществ в массовом сознании. Получается, что общество с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной эксплуатацией людей труда, ваптывавшее дарования и препятствовавшее милосердию, и есть социализм.

Либералы справедливо вот уже второе десятилетие празднуют «великую победу» над социализмом. Здесь возникает всего лишь маленький вопрос: социализм ли был побежден? Над чем восторжествовали социально-экономические и политические принципы, ценности и идеалы либеральной демократии?

Либеральная критика социализма советского разлива отталкивается от схемы общества, включающей: государственную «общенародную» собственность (реально отчужденную от работников); плановую организацию экономики (как альтернативу «неэффективному» рынку); распределение по труду (фактически не существовавшее никогда) и т. д. Но где здесь социалистический идеал справедливого гуманистического общества, общества сотрудничества и взаимопомощи, социальной защищенности и коллективистского идеализма? (позиция автора изложена в (2); см. также (3)).

Очевидно, что либеральный гуманный социализм, социалистическая практика западной социал-демократии не имеют никакого отношения к советской жизненному опыту, который может и должен быть осмыслен в адекватных терминах, объяснен адекватной теорией, вне контекста оппозиции «капитализм-социализм».

Странности советского социализма

Здесь не обойтись без по необходимости кратких исторических ремарок, ибо недавнее прошлое прочно забыто нашими современниками. Я имею в виду не факты политической истории, не кровавые драмы Гражданской войны и сталинистский террор мирных лет, а социальные отношения первого двадцатилетия советского режима, когда закодировано было наше безрадостное настоящее. В годы, именовавшиеся периодом строительства социализма, постоянными были официальные и закрепленные в массовом сознании суждения о складывании в стране общества справедливости и равенства в самом недалеком будущем.

Как же выглядела страна первопроходцев социализма в те годы? Конституционное устройство РСФСР-СССР, действовавшее с 1918 г. до принятия так называемой сталинской конституции победившего социализма 1936 г., отрицало принцип «один человек - один голос». Были лишены права избирать и быть избранными лица, прибегавшие к наемному труду в целях извлечения прибыли, жившие

на нетрудовой доход, частные торговцы, служители церкви и т. д. Дискриминационность избирательного права проявлялась в различии между правилами проведения выборов в в городе и на селе, по которым закреплялось неравенство уже между «трудящимися», т. е. рабочими и крестьянами. Этот принцип, по В.И. Ленину и согласно Программе Коммунистической партии 1919 г., давал «промышленному пролетариату» преимущества «сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне» (4).

Выстраивалась своеобразная формальная иерархия сословного типа, в которой иллюзорно воплощалась «диктатура пролетариата». Высший слой образовывали члены не столь уж многочисленной тогда правящей «пролетарской» Коммунистической партии. Затем шли «чистые пролетарии», т. е. люди, занятые физическим трудом в промышленности и имевшие либо пролетарское происхождение, либо длительный производственный стаж (не менее десяти лет). Это было своего рода столбовое дворянство в официальной идеологии. Ниже размещались группы городских непромышленных рабочих; следующими по близости к власти были полупролетарии города и деревенская беднота; затем шли слои мелкобуржуазного деревенского населения (середняки); городские служащие; наконец, неблагонадежные, но нужные правящим силам «буржуазные спецы» (инженеры, врачи, учителя, профессура и пр.). Все это были группы населения не в равной мере, но обладавшие определенными правами, в том числе и избирательным правом. Вне этого дифференцированного круга находилась огромная масса людей, принадлежавших к городским мелкобуржуазным, буржуазным и бывшим чиновничье-дворянским группам, вышвырнутым за пределы правового поля, которое именовалось пролетарским государством.

Подавляющее большинство людей на Западе считали, что российское государство действительно пролетарское, а общество-эгалитарное. Рабочие в основном (примем во внимание кризисное на протяжении большей части лет между двумя мировыми войнами состояние западных стран) воспринимали советский феномен с восторгом. Не менее позитивные эмоции выражали многие выдающиеся интеллектуалы, особенно после своих поверхностных ознакомительных поездок в страну Советов (Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и многие другие).

Напротив, открытые сторонники капитализма и определенная часть либеральной интеллигенции негативно оценивали происходившее в России и тип становившегося общества (Бертран Рассел, Андре Жид и другие). Аргументы оппонентов скользили по поверхности советской действительности. В общем доминировало представление, что в России у власти находятся люди, вышедшие из низов и защищающие интересы низов, а общество, развивающееся в СССР, и есть социализм в действии. Это подтверждали и модные авторы тех лет (1920-1930-е годы) в романах, ставших классическими тоталитарными дистопиями (например, Олдос Хаксли со своим «О, дивный мир»); и серьезные исследователи, такие как лауреат Нобелевской премии Фридрих А. Хайек. И отрицательное восприятие прихода к власти Хама с мозолистыми руками, приведшего в мир социализм, было типичным для западной элиты.

Вернемся к советско-российской действительности. В 1936 г. официальная советская пропаганда провозгласила победу социализма в стране. Все жители были объявлены гражданами, равными перед законом, с равными правами, в том числе и избирательными; был провозглашен демократический принцип «один человек-один голос». Другое дело - своеобразие самих выборов, когда выдвигать-

ся стал один кандидат на одно депутатское место от «блока коммунистов и беспартийных». Исчезли, хотя бы на формальном уровне, «лишенцы», было объявлено о прекращении деления на «своих» и «чужих» по происхождению и социально-классовой принадлежности. Попутно замечу, что на ближайшие после принятия конституции годы пришлось самые массовые и кровавые репрессии режима. (Моя позиция по этому вопросу выражена в (5)).

В течение 20 послеоктябрьских лет вслед за К. Марксом и В.И. Лениным идеологи режима утверждали, что в СССР создается социалистическое, т. е. бесклассовое общество. Этот подход сохранялся в Коммунистической партии вплоть до 1934 г. (XVII съезд партии). Пропагандисты того времени соревновались в доказательствах возраставшей быстроты процессов эгалитаризации и ликвидации всех и всяческих классов. И вдруг И.В. Сталин в своем докладе «О проекте Конституции СССР» заявил, что с наступившей победой социализма в стране сформировались новые общественные классы - «совершенно новый, освобожденный от эксплуатации рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» и колхозное крестьянство. Лица умственного труда были причислены к особой социальной прослойке - интеллигенции, вышедшей из народа и связанной с ним тесными узами. В СССР остались три дружественные социальные силы, «границы между которыми стираются, а старая классовая исключительность - исчезает»(6).

С этого времени вплоть до конца 80-х годов партийно-государственная концепция социальной структуры страны строилась на основе трехчленной формулы И.В. Сталина: рабочий класс-колхозное крестьянство-народная интеллигенция. Было очевидно, что в этой формуле не соблюдено элементарное правило классификации - взаимное исключение элементов. Оно было выдержано по отношению к обоим «классам» и нарушено по отношению к интеллигенции. В первом случае критерием служили различия в формах собственности, во втором - характере труда (умственный и физический). Но это, как и противоречие данной формулы с классическим марксизмом, в соответствии с которым социализм есть общество без классов, не смущало идеологов партии.

Формула «два класса плюс прослойка» была создана, чтобы замаскировать реальную стратификацию с невиданными различиями верхов и низов. Так, за словом «интеллигенция» скрывались и сельский учитель, кормивший себя с огорода, и крупный номенклатурный бонза. Эту-то пирамиду и прикрывала «трехчленка».

Первые попытки поставить под сомнение сталинскую формулу как не отражавшую реальность социальных отношений были предприняты советскими социологами в 60-е годы. Они были связаны с дискуссией о границах рабочего класса и месте интеллигенции в социальной структуре.

В те годы были чрезвычайно сильны технократические иллюзии у интеллектуалов и на Западе и на Востоке. Выходили многочисленные книги о проблемах научно-технической революции, вера в возможности научной реорганизации общества, ликвидацию неонаученного физического труда была огромной. И, действительно, доля традиционных отрядов рабочего класса во всех индустриальных странах резко падала. Столь же быстро росла доля занятых в сфере услуг, служащих и работников умственного труда. В связи с этим на Западе конкурентно развивались две концепции. Одна - о резком расширении и постепенном доминировании среднего класса в обществах зрелого индустриализма и постиндустриализма (информационная экономика), другая (предложенная марксистами с Запада) -

о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав в качестве автономных слоев служащих и значительной части техников и инженеров.

Эта дискуссия в СССР была опрокинута в плоскость иной социальной действительности. Расширенная трактовка границ рабочего класса была взаимоувязана с фактическим отказом от трехчленки. Оппоненты трехчленки доказывали, что конторские, торговые и инженерно-технические работники могут рассматриваться как часть рабочего класса (7). Аналогичным образом трактовалась социальная позиция технической интеллигенции, работавшей в колхозах. Она рассматривалась как социальный слой внутри колхозного крестьянства (8).

Вокруг этих, казалось бы не несущих особой идеологической каверзы, идей развернулась многолетняя шумиха в печати, продлившаяся вплоть до конца 80-х годов. Почему так остро реагировали идеологи партии на расширительную трактовку границ «основных классов»? Да потому, что было задето «святое». Трех-членка давала полную возможность продолжать пропагандировать идею о ведущей роли рабочего класса, ведомых им крестьянстве и интеллигенции. Получалось, что, например, инженеры, руководители производственных подразделений социально-статусно ниже менее грамотных, менее знающих подчиненных. Но в этом моменте скрывалась ключевая линия номенклатуры, состоявшая в опоре на менее образованные, менее развитые слои населения.

Постановка вопроса о новых границах рабочего класса сопровождалась суждениями об определяющем значении научно-образованной части общества в его развитии. Следовал вывод о перспективах участия интеллигенции во властных структурах. Более того, поскольку «профессиональные организаторы» (по терминологии социологов тех лет, на самом деле - властвующая элита) никак не вписывались в границы основных классов, то их стали выделять в особый социальный слой. Так, высшие слои советского общества, отсутствовавшие в эмпирических стратификационных исследованиях, появились в теоретических конструктах советских авторов, которые отмечали главную отличительную особенность этого слоя - право принятия решений, обязательных для других, и право воплощать эти решения с применением силы, если это окажется необходимым. Здесь перед нами элементы концепции власти как стратифицирующего фактора, которые, пусть и намеком, появились в советских публикациях. Правда, власть при этом трактовалась как нечто, непременно используемое в общественных интересах. Она никогда не выступает, по крайней мере в макросоциальном контексте, как отношение между правителями и подданными. Но тем не менее в 60-е годы небольшая группа социологов сделала решающий шаг к отказу от модели «2+1», в которой сознательно игнорировалось властное измерение.

Основные концепции обществ советского типа

Государственный капитализм и новый господствующий класс

Концепция, получившая широкое распространение еще в 60-е годы, состоит в признании обществ советского типа классовыми, где господствующему классу номенклатуры противостоит класс государственно зависимых работников, лишенных собственности (в том числе и на свою рабочую силу); это общество может быть интерпретировано как тотальный государственный капитализм.

Данная концепция имеет длительную историю. Еще задолго до возникновения советской системы М.А. Бакунин в сочинениях 1870-1873 гг. пришел к выводу, что государственная собственность при диктатуре пролетариата станет экономической базой господства класса «красной бюрократии».

В 30-е годы нашего века идея о возникновении нового класса появилась почти одновременно в работах русского философа Н.А. Бердяева и одного из создателей советской системы Л.Д. Троцкого. В книге Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», опубликованной в 1937 г., прямо и недвусмысленно сказано: «...Новая советская бюрократия более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы». Классовое угнетение приобрело новые формы, непохожие на капиталистические (9).

В то же время Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» писал: «Средства производства принадлежат государству. Но государство принадлежит бюрократии». Сам Троцкий не был автором теории нового класса. Более того, он отмечал, что «у бюрократии нет ни акций, ни облигаций». Она вербуетя «...в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности». Поэтому он отвергал представление о советской бюрократии как классе «государственных капиталистов». В то же время Л.Д. Троцкий отмечал, что она есть нечто большее, чем обычная бюрократия. Это единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе (10, 11).

В 30-е годы нашего века именно в среде сторонников Л.Д. Троцкого получили развитие первые систематические концепции, описывающие Советский Союз как общество, подчиненное бюрократическому классу, господствующему классу нового типа, управляющему и экономикой и обществом. Их создателями были Бруно Рицци, автор вышедшей в канун Второй мировой войны книги «Бюрократизация мира» (12) и Д. Бернхем с его знаменитой книгой «Революция управляющих» (13).

Рицци утверждал, что русская революция заменила одну систему экономической эксплуатации и политического угнетения другой. Троцкий, преследуемый призраком реставрации капитализма в СССР, просмотрел «бюрократический коллективизм», утвердившийся здесь как новая форма классового господства. В отличие от Троцкого Рицци доказывал, что бюрократия и владеет средствами производства, и извлекает прибыль, только делает это не индивидуально, как прежние классы, а коллективно, косвенным образом, посредством государства, собирающего в казну общенациональную прибавочную стоимость и распределяющего ее среди своих чиновников. Эта новая ситуация не переходная фаза, а устойчивое состояние общества, его новый этап развития. Бюрократическому коллективизму суждено вытеснить капитализм, так как он более эффективен. Рицци считал, что эта новая социальная система победила не только в СССР, но и в нацистской Германии, фашистской Италии, и в рузвельтовских США, т. е. всюду, где доминировали идеи государственного контроля и планирования.

Бернхем же писал о том, что в течение последних десятилетий управление производством фактически ускользает из рук капиталистов, которые теряют свой статус правящего класса. Возникновение акционерного капитала символизирует переход власти к менеджерам, ибо кто контролирует, тот и собственник. Революция менеджеров началась с России, где на смену капиталистическому обществу

пришло общество управляющих. Лозунги здесь, увы, не совпали с результатами. Капиталисты были ликвидированы как класс, массы обузданы, рабочий контроль свернут; те, кто делали революцию, были уничтожены. Россия стала первым государством менеджеров. В ней сформировалась система классовой эксплуатации на основе государственной экономики. Приход в Германии к власти нацистов был, по мнению Бернхема, также революцией менеджеров.

После Второй мировой войны наиболее впечатляющий вклад в это направление анализа обществ советского типа внес Милован Джилас. Его книга «Новый класс. Анализ коммунистической системы» (Л., 1957) и поныне является одной из наиболее читаемых и авторитетных работ по проблемам социального неравенства в обществах советского типа (14). Джилас имел ряд преимуществ перед Бернхемом. Во-первых, перед его глазами был опыт не только СССР, но и восточноевропейских стран, и опыт большей продолжительности, чем имел Бернхем к моменту написания своей книги. Во-вторых, он наблюдал и изучал систему изнутри, поскольку был одним из основателей и руководителей социалистической Югославии.

Он считал (в отличие от Бернхема), что границы распространения нового класса совпадают с границами распространения самой коммунистической системы и проводил четкую грань между менеджерами капиталистических и социалистических стран. По его мнению, бюрократы в некоммунистическом государстве являются чиновниками в современной экономике. Коммунистические же бюрократы не имеют над собой ни собственников, ни политического контроля. Они представляют собой новый класс, где ведущие позиции занимают работники партийного аппарата.

Джилас писал о том, что коммунистические революции действительно явились результатом обострения социальных противоречий в странах с низким уровнем развития капитализма. Их результат в какой-то мере аналогичен тому, к которому пришел Запад, поскольку отношения, созданные после их победы, являются государственно-капиталистическими. Он аргументирует это следующим образом. Так как собственность - это право на прибыль и контроль, а все это находится в руках у коммунистической бюрократии, то революция, совершенная во имя ликвидации классовой эксплуатации, завершилась полным господством единственного нового класса. Специфической характеристикой нового класса является его коллективная собственность, что встречалось ранее в восточных деспотиях. Коммунисты не изобрели коллективную собственность как таковую, но придали ей всепроникающий характер.

Всесторонний анализ нового класса применительно к СССР проделал идейный последователь Джиласа - М.С. Восленский (15). Исходный тезис М.С. Восленского: еще до революции была создана организация профессиональных революционеров, ориентированная на захват власти. После своей победы в октябре 1917 г. они разделились на два типа управленцев - ленинскую гвардию и сталинскую номенклатуру. В середине 30-х годов номенклатура ликвидировала старую ленинскую гвардию. Такой же поэтапный процесс имел место в странах коммунистической системы.

Цель системы - власть и господство над другими. Этому и посвящают себя ее руководители - партийные олигархи. Система построена на нищете и пассивности масс: они зависят от власти, которая сама по себе является привилегией. Здесь господствует каста-номенклатура, которая представляет собой часть правя-

шей партии. Восленский предпринял попытку исчислить размер господствующего класса. Всего, по его подсчетам, номенклатура к началу 80-х годов включала около 750 тыс. человек, а вместе с семьями - 3 млн. Примерно 100 тыс. - политические, партийные руководители, затем номенклатура из органов безопасности, армии, сфер производства, образования, науки и т. д.

Весьма своеобразную критику и определенное развитие идеи нового класса получили в трудах блестящего венгерского социолога Ивана Селеньи. Он анализировал эту проблему сквозь призму изменения социальных позиций интеллигенции на основе главных классовых критериев - власти и собственности. Широкую известность получила его книга, написанная совместно с Д. Конрадом «Путь интеллигенции к классовой власти» (16; см. также 17, 18). Этот труд сами авторы рассматривали как дружескую полемику с М. Джиласом. Ими были выделены три периода развития социализма. Первый - сталинизм. Лучшим теоретиком социальной структуры этого периода был, по мнению авторов, М. Джилас. Для этого периода были характерны иерархическая структура общества, монополярная власть бюрократической элиты, сословные методы управления. Закончился он в середине (или к концу) 50-х годов. Начавшийся тогда же второй период социализма характеризуется стремлением бюрократической элиты привлечь на свою сторону интеллигенцию, в основном техническую, и разделить с ней власть.

Книга была посвящена анализу именно второго периода. Конрад и Селеньи утверждали, что на этом этапе пошел процесс разложения государства сословного типа, стала уменьшаться монополярность господства бюрократии и началось образование нового правящего класса, который, по-видимому, включит в себя всю интеллигенцию. Формирование этого класса займет целую историческую эпоху. Социализм, при котором власть будет принадлежать интеллигенции, станет качественно новой эпохой, третьим периодом социализма.

В более поздних публикациях (1988 г.) Конрад и Селеньи писали о том, что для возникновения нового класса нужны действующие силы, агенты, способные и стремящиеся занять новые классовые позиции; нужны также новые социально-экономические позиции, которые они могли бы занять; наконец, эти новые действующие силы должны выработать новый тип сознания. По их предположениям, по всем трем аспектам в ходе посткоммунистического развития интеллигенция Центральной и Восточной Европы имеет шанс сформироваться как класс.

В статье 1991 г. эти же авторы с энтузиазмом писали: «В настоящее время интеллигенции действительно принадлежит наиболее существенная роль в трансформации обществ государственного социализма... Произошел распад фундамента, на котором зиждилось господство бюрократии, и с уходом с политической арены прежней элиты единственным жизнеспособным претендентом на роль новой элиты стала интеллигенция» (18). Жизнь не подтвердила этого предвидения венгерских социологов.

Долгие годы по цензурным соображениям российские социологи лишь намеками и крайне редко отмечали свою приверженность концепции нового класса. И лишь в конце 80-х годов вышли публикации С. Андреева и других авторов, открыто признававших себя сторонниками этой позиции. С. Андреев писал, что управленческий аппарат обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможность присвоения не принадлежащего ему чужого труда, используя свое положение в системе общественного производства. Существование

этого нового класса возможно лишь в условиях экстенсивного развития экономики, поскольку интенсивный путь требует принципиально иных общественных и производственных отношений (19).

О неклассовом характере обществ советского типа

Вторая, менее распространенная, концепция рассматривает социальные членения в обществах советского типа как иерархические слоевые, с размытыми границами, обширными зонами трансгрессии между слоями; общество определяется как сословно-слоевое. Становление этого подхода шло преимущественно в академических структурах, и он длительное время оставался вне поля широких политических обсуждений.

Авторы второй концепции усомнились в доказанности тезиса, что номенклатура - это класс, поскольку она, хотя и использует собственность в своих интересах, но прав распоряжения средствами производства не имеет. Властвующие группы в СССР и других социалистических странах занимают монопольное положение в системе власти, «собственностью на государство». Возникает проблема применимости традиционного для европейской социальной мысли классового подхода к системам неравенства в обществах советского типа.

Одним из первых признал неклассовый характер обществ советского типа выдающийся польский социолог Ст. Оссовский. Анализируя ситуацию в странах Восточной Европы, он пришел к выводу, что поскольку здесь изменения социальной структуры в большей степени осуществляются по воле политической власти, постольку мы далеки от трактовки социального класса в том смысле, как его понимали Маркс (т. е. как групп, различающихся по их отношению к средствам производства) или Вебер (т. е. как групп, различающихся по их отношению к рынку). В ситуациях, когда политическая власть может открыто и эффективно изменить классовую структуру; когда наиболее важные для социального статуса привилегии, включая повышенную долю в национальном доходе, даруются этой властью, когда значительная часть или даже большинство населения включено в стратификацию по типу бюрократической иерархии, категория класса становится большим или меньшим анахронизмом, а классовые конфликты уступают место другим формам социального антагонизма (20).

Следует заметить, что этот подход устойчиво сохранялся в польской социологии в 60-80-е годы. Здесь можно упомянуть работы Стефана Новака, Влодзи-мержа Весоловского, Зигмунта Баумана и многих других. С. Новак в 1964 г. недвусмысленно писал: «Эволюция социального положения в послевоенной Польше независимо определяется профессией, экономическим положением и образованием; в то время как эти факторы, которые, в свою очередь, являются взаимозависимыми, могут либо дополнять, либо уничтожать влияние друг друга» (21). С. Новак предложил выделить в населении Польши следующие социальные слои: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, работники нефизического труда, творческая интеллигенция и лица свободных профессий. Точно такой же была позиция В. Весоловского, который в своих исследованиях польского общества основывался на социально-профессиональной стратификации, беря в качестве дифференцирующих переменных профессию, образование, доход (22).

Более того, авторитетный польский социолог Е. Вятр высказал идею, что именно для СССР, где нет (в отличие от Польши) мелких капиталистов в городе

и частнособственнического крестьянства в деревне, правильно намечать слоевую структуру, без классов, что СССР можно считать неэгалитарным бесклассовым обществом (23).

Почти такую же позицию занял в 60-е годы известный чешский социолог П. Махонин. Он выдвинул на первый план дифференциацию по характеру труда. Были предложены следующие компоненты социального статуса: 1) сложность работы (наличие творческих элементов в труде, степень самостоятельности труда, требуемая квалификация); 2) образование; 3) участие в управлении (объем власти), основанное на: а) социально-профессиональной позиции по месту работы, б) политической деятельности в свободное время; 4) уровень жизни; 5) образ жизни в свободное время.

Был проведен блестящий представительный опрос по территории всей страны, и уже в труднейших условиях оккупации Чехословакии советскими войсками П. Махонин с соавторами сумел издать итоговую книгу (24). Это была фундаментальная монография, последний отблеск «социализма с человеческим лицом», мечты интеллигентно-шестидесятников о возможности решить социальные проблемы на основе «государственного социализма». Последующие 20 лет на долю авторов достался неквалифицированный физический труд, который они собирались (совместно со столь же прекраснотушными теоретиками из других стран «реального социализма») преодолеть (ликвидировать) в недалеком будущем.

Точка зрения на советское общество как слоевое получила развитие в СССР с начала 60-х годов. Конечно, вынужденные к тому идеологической цензурой, отечественные исследователи обычно добавляли обязательные слова о сохраняющихся еще «двух дружественных классах и народной интеллигенции», но опытный советский читатель тут же обнаруживал комментарий о том, что данные классовые различия несущественны, а определяющими в общественных отношениях являются слоевые (социально-профессиональные). Из таблиц и схем, всей системы фактических данных следовало, что этим авторам совершенно чужда не только официальная псевдоклассовая «концепция», но и теория нового класса.

В СССР в это время некоторые социологи заявили себя приверженцами концепции, наиболее развитой в трудах П. Махонина, но другие попытались найти иное объяснение столь очевидному неравенству в своей стране. Они задались вопросом: имеется ли при социализме полное равенство в реальном процессе присвоения собственности? Это была совершенно еретическая по тем временам мысль, и пришла она в голову еще в конце 50-х годов экономисту Я.А. Кронроду. Он писал о том, что в стране при формальном равенстве отношений собственности существует реальное неравенство по их использованию. Это неравенство действует в фазах производства, распределения, обмена и потребления (25). Естественно, что автор при этом в своих публикациях не подвергал сомнению социалистическую природу советского общества.

Теоретическое построение Кронрода давало другим еретикам в краткие периоды идеологических оттепелей возможность обосновать и эмпирически подтвердить неравенство между людьми (7, 8). Поскольку сама категория меры присвоения отражала иерархию властных и профессионально-должностных позиций, уровней присвоения благ и услуг в континууме максимума - минимума указанных характеристик.

В своих публикациях Ю.В. Арутюнян, Л.А. Гордон, Т.И. Заславская, О.И. Шкаратан отчетливо формулировали концепцию советского общества как иерархической структуры социальных слоев, которые могут быть ранжированы в соответствии с их более высоким или более низким статусом. Это был по существу открытый разрыв с официальным взглядом на социальную систему, которая структурировалась только горизонтально и в которой неравенство в распределении рассматривалось лишь как отражение индивидуальной эффективности, индивидуальных заслуг.

Наиболее четко и открыто выразила эту позицию Т.И. Заславская: «Общественное положение, занимаемое различными слоями и классами в социалистическом обществе, может быть в принципе представлено в форме определенной иерархии, в которой некоторые позиции считаются выше, чем другие. Основой для вертикальной иерархии социальных позиций является сложность труда... и ответственность в осуществляемом труде, увеличение которых сопровождается повышением требуемого образования, возрастающим материальным вознаграждением и соответствующими изменениями в образе жизни» (26).

Я также отмечал, что в советском обществе элементами социальной структуры являются «группы людей, неравных в экономических и социальных отношениях». Это неравенство является «не только наследием капитализма, но и воспроизводится в условиях социализма» (7).

Следует иметь в виду, что почти все социологи того времени не были противниками социализма. Они стремились к его оздоровлению, смене сталинской модели на «социализм с человеческим лицом». С этим во многом связана и манера, с помощью которой в литературу вводились новая терминология и концептуальный аппарат.

Исследования стратификации тех лет строились на применении таких критериев, как уровень образования и квалификация, содержание труда и различие в доходах, традиционно используемых и западными социологами. Социальные слои, выделяемые в исследованиях, были ранжированы от неквалифицированных рабочих (или колхозников) до руководителей предприятий (колхозов) и руководителей региональных органов управления. В этих классификациях вообще отсутствовали классы и интеллигенция. Последняя была представлена слоями работников управленческого труда (в ряде случаев с выделением руководителей высшего и среднего звена); работников высококвалифицированного научно-технического труда; работников квалифицированного умственного труда.

Уже в канун коллапса «реального социализма» болгарский социолог Н. Тилкиджиев взял на себя труд систематизировать взгляды сторонников слоевой структуры обществ советского типа. Он обратил внимание на необходимость различать слоевую и социально-профессиональную структуры. Тем самым он раскрыл существенный дефект исследований в СССР, Польше, Чехословакии. Он отметил особое значение разведения социального неравенства и собственно профессиональных различий как явлений разной природы. Социально-профессиональная принадлежность - основополагающая в формировании слоев. Она включает особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников. Но необходимо принимать во внимание также влияние социального происхождения, социальных (супружеских, дружеских и т. д.) связей; жилищных и поселенческих условий; институционального фактора (здесь Н. Тилкиджиев прежде всего выделяет властные ресурсы ин-

ституты и степень включенности в их деятельность представителей социально-профессиональных групп (27)).

Как заключительный аккорд работ советских социологов рассматриваемого направления можно расценить труды Т.И. Заславской и Р.В.Рывкина. В первую очередь следует отметить их монографию «Социология экономической жизни» (раздел 3), которая означала выход на новое концептуальное пространство. Авторы стремились дать анализ «социальной структуры общества в ее связи с экономической жизнью общества» (28), определить социальные группы, являющиеся наиболее важными субъектами экономики и занимающие в ней ключевые позиции.

В книге наиболее значим анализ механизма эксплуатации высшими низших. Авторы взорвали табу, существовавшее на обсуждение отношений эксплуатации в советском обществе. Заславская и Рывкина раскрывают отношения эксплуатации как: 1) изъятие всего прибавочного и части необходимого продукта через неравномерно низкие цены на производственную продукцию и необоснованно высокие налоги; 2) глубокое расхождение меры труда и меры потребления различных групп работников общественного производства; 3) необоснованная неравномерность территориального и ведомственного распределения элементов социально-бытовой инфраструктуры; 4) присвоение дифференциальной ренты I жителями южных районов; 5) преступные способы извлечения нетрудовых доходов за счет граждан или государства («теневая экономика», мафиозные группы). Список этот, конечно же, неполный, но первый в литературе, издававшейся в России.

Анализ сущности обществ советского типа как носителей латентных отношений специфических форм эксплуатации был углублен Т.И. Заславской в ряде публикаций. Она отнесла к главным структурным элементам советского общества: а) социально-замкнутый и личностно интегрированный правящий класс «номенклатуры»; б) сравнительно небольшой средний класс, включающий «директорский корпус» и наиболее квалифицированных и/или приближенных к номенклатуре интеллигентов; в) слабостратифицированный низший класс, объединяющий наемных работников (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации); г) «социальное дно», состоящее из десоциализированных, потенциально криминогенных групп, утративших связи с обществом. Главными особенностями этой стратификации, по ее мнению, являлись: весьма высокая концентрация власти и собственности в руках правящего класса; резкая поляризация положения высших и низших слоев общества на фоне общего низкого уровня жизни; неразвитость (если не отсутствие) среднего слоя, а также доминирование должностного критерия стратификации над квалификационным.

Структура советского общества формировалась по принципу «кто был ничем, тот станет всем». Оставшиеся семьи научной и культурной элиты, дворян, духовенства, купечества, промышленников, крепких крестьян, концентрировавшие главный энергетический и творческий потенциал общества, были последовательно выкорчеваны и истреблены. В итоге в стране сформировалось «общество низшего класса» с пониженной долей талантливых, образованных, здоровых, сильных, предприимчивых и энергичных граждан. К тому же общественная система «социализма» содействовала укреплению худших черт традиционной российской общинности: уравнительности, иждивенчества, социальной пассивности, безответственности, слабой мотивированности к труду и предпринимательству, неразвитости потребностей (29).

На Западе эти публикации польских, чешских и российских авторов переводились, цитировались, но не были интегрированы в «фонд» основных научных идей, где неоспоримо господствовала теория «нового класса», вполне вписывавшаяся в европоцентристский взгляд на социальное неравенство (см., например, 30,31).

Советское общество как особый тип цивилизации

Теоретические конструкты социологов, рассмотренные выше, верно отражая многие стороны советской реальности, все-таки не раскрывали сущностные черты этой социальной системы: советский тип общества не воспринимался как некая данность, с особой структурой, относящейся, быть может, к другому типу цивилизации (евразийской), другому типу экономической организации, чем западная.

Сложившиеся теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они не вполне адекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями. На разных исторических этапах и тем более в наше время одновременно существовали и существуют разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Таким образом, речь, на мой взгляд, должна идти о раскрытии системообразующих элементов цивилизации особого советского типа.

Сословное корпоративное общество

Одной из, по-видимому, первых попыток в этом направлении было рассмотрение СССР как сословного корпоративного общества. Данный подход к характеру социальных отношений в СССР получил развитие прежде всего в работах германских социологов, из которых следует выделить цикл публикаций Вольфганга Теккенберга (32, 33, 34).

В основу своего подхода В. Теккенберг кладет веберовскую концепцию, интерпретируемую в американской социологической традиции как концепция статусных групп. По его мнению, на самом деле это концепция сословий. Она строится на следующих основаниях; образ жизни, формальный уровень образования и, наконец, престиж наследуемого положения или профессии. По Теккенбергу, это позволяет глубоко понять природу социального неравенства в СССР, которое строится на государственно контролируемом неравенстве в распределении и жизненных шансах. В результате люди получают разные возможности использования ресурсов; правда, эти различия не столь значительны, как при рыночных отношениях в капиталистических обществах, из-за бюрократического и профессионального контроля за доступом к ресурсам.

В. Теккенберг обозначает существовавший в СССР тип общества термином «феодальное». В советском обществе социальное неравенство проявлялось преимущественно в жизненном положении и престиже, а не, как это свойственно для западных обществ, в различном уровне доходов. Этому типу социальной системы лучше всего подошло бы понятие «корпоративный». При смене режима в неиз-

менной целостности пребывают хозяйственные единицы и профессиональные союзы, армия. Они сохраняют значительную автономию при обновлении политического руководства.

На базе неравенства в доступе и распределении материальных благ и различного жизненного положения социальные группы в советском обществе были организованы в квазисословные образования. Их деятельность относительно независима от «феодальной» элиты, для которой характерно слияние господства над государственной собственностью и политической властью. Определенные представления по поводу жизненного стандарта и культурного уровня приводят к «замыканию» социальных групп, иерархия которых строится не только на основе дохода. Эти профессиональные образования сходны со средневековыми «цеховыми» группами, определявшими культурные аспекты потребления и поведения.

Непосредственно связанные с профессией факторы дистрибутивного неравенства (доход, образование) не являются, по мнению В.Текенберга, достаточными для дифференцированного объяснения структурных различий в образе жизни различных групп населения,

На ступени более низкого профессионального статуса сословные элементы выступают скорее в форме сильно сегментированных отраслей, что частично связано со структурными особенностями советской промышленности. Сословные группировки образуются не только по принадлежности к определенным отраслям, но и по принадлежности к крупным промышленным предприятиям, которые предоставляют своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, как возможность пользоваться особыми домами отдыха, санаториями, магазинами и т. д.). Подобные сословные образования могли появиться благодаря более тесной связи людей с предприятием, чем это принято на Западе.

Внутри сословий и политических организаций обладатели ролей пытаются укрепить свою власть посредством объединения и монополизации информации в определенной сфере и усилить контроль над распространением ролей, что свойственно не только высшим сословиям-слоям, но и слою промышленных рабочих. Внутри сословий развивается немонетарная система взаимных обязательств (протекция, семейные кланы).

Управление перераспределением и потреблением сильно напоминает сословные общества в определении М. Вебера: «Каждое сословное общество обычно организовано по жизненным правилам, создает из них экономически иррациональные условия потребления и таким образом посредством монополистического присвоения и посредством исключения свободного распоряжения собственной трудовой деятельностью препятствует свободному образованию рынка» (32).

Идеи В. Текенберга получили поддержку известного немецкого социолога Эрвина К. Шойха, который в предисловии к его книге (1977) писал: «СССР действительно во многом демонстрирует черты ленной системы, дополняемой все новыми изъятиями преданности после смены политического руководства. Но к СССР лучше подошло бы понятие "корпоративного" общества... В лице СССР возник новый вариант индустриального общества, по отношению к которому нельзя выдвинуть претензию, что оно находится в переходной стадии; это самостоятельный тип общественной системы» (32).

Сходные позиции (с учетом специфических черт исторического пути Венгрии) занял Мартин Сабо. Он отмечал, что «теперь лишь немногие продолжают утверждать, что в странах Центральной и Восточной Европы существовал соци-

ализм, т. е. тот исторический строй, который в первоначальном значении этого слова и в духе целей левых движений был призван разрешить противоречия капиталистических отношений и создать общество с более высоким уровнем культуры и цивилизации».

По его мнению, определяющим фактором венгерской истории XX в. была двойственность структуры, а именно наличие как феодальных, так и буржуазных отношений. В этом смысле не стало исключением и развитие событий после 1945 г. За кратким периодом буржуазно-демократических преобразований в 1945-1947 гг. последовал консервативно-реакционный поворот, положивший начало рефеодализации, названной социалистическим развитием. В ходе его воспроизводилась прежняя двойственная структура. В качестве важнейшего элемента рефеодализации выступал формализованный властный механизм, существовавший как господствующее сословие властный аппарат и управляемые им «социалистические подструктуры». Однако реальный социализм не просто воспроизводил прежнюю двойственную структуру. Он последовательно и открыто подавлял буржуазные элементы, что усилило докапиталистические, сословно-феодальные компоненты и придало им новую историческую форму.

М. Сабо заключал: «Разумеется, я не утверждаю, что социализм был феодализмом. Но несомненно, что специфика функционирования этой системы состояла в том, что в ней преобладали сословно-феодальные черты, а в другой связи - азиатско-византийские, т. е. черты предшествовавших современным культурам. Таким образом, социализм в его различных вариантах ответил на вызов XX столетия возрождением прошлого» (35).

Общество политического доминирования

Названная концепция получила обоснование и развитие в трудах югославских социологов, бывших под строжайшим запретом для чтения. Более того, даже критика их работ издавалась с грифом, запрещающим свободное ознакомление с нею. Упомянем некоторые типичные суждения коллег из Югославии, Б. Хорват в книге «Политическая экономия социализма» (1982) попытался раскрыть природу советского этатистского (по его определению) общества. В этом обществе администраторы обладают той же властью, что и собственники при капитализме. Все внимание здесь обращено на усиление позиций власти. Идет сверхразвитие государственного аппарата. Вся политическая и экономическая власть сосредоточена в руках правящей политической организации (36).

Светозар Стоянович предложил следующее объяснение сущности советской системы и ее классового устройства: «Поскольку капитализм несомненно конституирует общественную ценность с экономической доминантой, то парадигмой, ему соответствующей, является общественно-экономическая формация. С другой стороны, коммунистический этатизм принадлежит к семейству общественно-политических формаций. Досталинистский, сталинистский и постсталинистский этатизм представляет собой общественную целостность с политическим доминированием (как диахроническим, так и синхроническим). Здесь политическое доминирование приобретает форму структурного контроля одного класса (этатистского) над государством и при помощи этого над средствами производства. Однако эта парадигма общественно-политической формации есть уже, несомненно, вывернутая наизнанку марксистская парадигма, или, скорее, парадигма пост-марксистская» (37).

Этакратическое неклассовое общество

Вернемся на родную почву. Именно в конце 80 - начале 90-х годов были предприняты попытки осмыслить природу уходящей (как тогда казалось) социальной системы и особенности присущей ей социальной стратификации в контексте цивилизационного подхода и исторического опыта России как неклассового этакратического общества (см., в частности, (38-42)).

В наших рассуждениях отправным моментом является оценка общественного устройства, сложившегося в СССР к началу 1930-х годов и сохранявшегося до 1990-х, как этакратического. Это была новая социальная система, не являвшаяся ни капиталистической, ни социалистической, которая возникла в СССР, а позднее была распространена на другие страны. Ей присущи специфические и устойчиво воспроизводящиеся черты, которые знаменуют становление новой самостоятельной социально-экономической и политической системы, которую можно именовать этакратической (дословно власть государства от франц. и греч.). Этакратизм - это не цепь деформаций и отклонений от некоей образцовой модели капитализма или социализма, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития.

Этакратизм можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток», и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала. Первооснову этакратического бесклассового общества составляют следующие характеристики:

- обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть-собственность»;
- преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления;
- государственно-монополистический способ производства;
- доминирование централизованного распределения;
- зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);
- милитаризация экономики;
- сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотнесенных с ними привилегиях;
- корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений, а соответственно иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума;
- социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;
- отсутствие гражданского общества, правового государства и соответственно наличие системы подданства, партократии;
- имперский полиэтничный тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее «по крови», а не по культуре или самосознанию).

Концепция этакратизма как объясняющая природу обществ советского типа постепенно находит поддержку у крупных аналитиков современного мира. Так,

М. Кастельс пишет: «В XX веке мы жили, в сущности, при двух господствовавших способах производства: капитализме и этатизме. ...При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их аппаратчиками или, по-китайски, линг-дао). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания» (43).

Характерно, что странам Центральной и Восточной Европы этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы стран с большим опытом рыночной экономики, демократических институтов и принадлежавшим к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, - в Китае и Вьетнаме, Монголии и на Кубе, что подтверждает неслучайность его возникновения.

Все существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первая идет от античного полиса. Это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество-государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории в общем-то и в пространстве и во времени преобладал этот тип цивилизации. Именно в тех странах, где исторически доминировала эта вторая, неевропейская, линия развития, в середине XX в. установился этакратизм.

И Джилас не первый обратил внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатский способ производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственный способ производства». (Отсылаю в этой связи к работам наших отечественных авторов - Л.С. Васильева, Р.М. Нуреева, Ю.В. Павленко (44-46)). Сходство действительно обескураживающее. Ограничусь лишь короткими ремарками.

В течение тысячелетий (ибо данный тип цивилизации, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройству принадлежащих к нему социальных организмов) в основе таких обществ лежали следующие системообразующие элементы:

- государство как стоящая над всем населением всевластная божественная сила;
- властно-правовая иерархия;
- социальный статус, определяемый властью и престижем, а не имущественными различиями;

- зависимость индивидуального богатства от близости к власти;
- господство коллективной собственности сельской земледельческой общины и государства, олицетворяемого верховным правителем;
- земля по существу как бы ничейная собственность;
- централизованное изъятие прибавочного продукта в виде ренты - налога, реализующего одновременно функцию государственной власти (налог) и функцию собственности на землю (рента).

Историю дискуссий по поводу неоспоримого родства советского этатризма и азиатских деспотий (с печальной судьбой их участников в годы советской власти) и результаты собственного сравнительного анализа двух феноменов - «восточной деспотии» и тоталитарных обществ XX в. - подробно изложил А.В. Пименов в цикле статей под характерным названием «Дряхлый Восток и светлое будущее», опубликованных журналом «Мир России» в 1999 г. Он справедливо замечает: «Близость обществ "реального социализма" к деспотиям Древнего Востока - давно уже не новость, а, скорее, общее место... Природа же этого сходства по-прежнему неясна» (47).

Ладно бы типичные страны Востока, но почему в этом ряду, да еще и на первых ролях, оказалась Россия?

Осмыслить современные события, раскрыть сущность настоящего можно, если «...ничего не придумывать, но попытаться понять логику развития самой России», ее двенадцати вековой истории (48). Здесь отечественные авторы Ю. Пивоваров, А.Фурсов, И.Чубайс, А. Сусоколов (49) и многие другие довольно дружно отмечают решающую роль таких факторов специфичности отечественной истории, организации социальной жизни, национальной культуры и менталитета, как рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, многовековой процесс собирания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно 600 лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие - огромного напряжения народных сил,

Мне представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер - буржуазный или антибуржуазный...» (50). По их мнению, такие властные отношения - результат влияния ордынского господства на Русь. В домонгольской Руси власть была рассредоточена, как и во всей Европе, между князем, вече, боярством и церковью. Именно Орда принесла на Русь принцип «власть — все, население - ничто»; «власть - единственно значимый социальный субъект» (50). Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной.

О традициях и природе современного политического режима в России как самовластия пишет В.М. Межуев: «Политологи соревнуются между собой в поисках термина, способного выразить суть нынешнего режима... Власть в нынешней

России при всем ее отличии от монархической и большевистской обладает чертами удивительного сходства с последними...

В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это - "самовластие", семантически близкое к понятию "авторитаризм", но с более понятным для нас русским оттенком. Оно - лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории...

...В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ - безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность. Власть в России самоопределилась по отношению не к обществу, а к народу (власть - субъект, народ - объект), что и придало ей не столько политический, сколько патримониальный характер. Народ и общество в России - взаимоисключающие понятия» (51).

В то же время и с не меньшим основанием немногочисленные авторы обосновывают наличие в национальной традиции слабой, но устойчивой линии на выборные начала, сочетавшиеся с российской государственностью. Здесь прослеживается ниточка от вечевых собраний и выборных глав городских общин в домонгольской Руси, сохранившихся вплоть до XVI в. в Новгородской республике и Пскове, а в городах Московской Руси - до конца XIV в.; в XVI в. сложились две системы выборных учреждений - земская и губная. Венцом выборных институтов в допетровской России были Земские соборы XVI-XVII вв. Даже в императорской России существовали выборные, преимущественно сословные, органы управления, среди которых следует особо выделить общинное самоуправление у крестьянства (52-55).

Как пишет А.П. Страхов, развитое сословное самоуправление не переросло «в реально действующие органы власти, ограничивающие свободу действий правительства, как это было на Западе.

...именно реализация традиционной модели самовластного правления в сочетании с самодостаточной жизнью крестьянского мира, сложившейся в силу особенностей исторического и экономического развития и закрепившейся в политической культуре народа, не позволила развиваться действенным представительным органам власти» (56).

На мой взгляд, важным системным элементом анализа транзитивных процессов в современной России может стать идея евразийской культуры. Она способна содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма и корпоративного евразийства или формирование особой социальной реальности? Много лет назад Ю.М. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось «по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию» (57).

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру (58, 59). В канун Октябрьского переворота побеждала европейская линия. В то же время следует отметить, что для большинства россиян частная собственность еще не стала тра-

дицией. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера, Эта двойственность сложившейся тогда тенденции развития страны объясняет, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле для торжества азиатской линии развития.

Эта же двойственность помогает понять, почему именно в России на собственной национальной почве победил режим (не привнесенный извне), который сломил буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, и привел к торжеству азиатской линии развития. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем, скажем, Китай или Индия.

Семь послереволюционных десятилетий были торжеством развития на основе «азиатских» исторических напластований, но одновременно под влиянием новых технологий производства и всей жизнедеятельности, лившихся потоком с Запада и рождавшихся на отечественной почве, были мучительным процессом расширения и укрепления базы европейской культуры, становления готовности к рынку и гражданскому обществу.

Длительный период существования этакратического общества во многом определил пути развития форм жизнедеятельности в России. С одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению этакратическим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). С другой стороны, разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация почти всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству среднетипических, «усредненных» индивидов. В этом отношении можно говорить о том, что подлинно цивилизованного способа существования в этакратическом обществе не было.

Представляется, что данная концепция вполне согласуется с реальными фактами развития России и других государств (кроме стран Балтии) на территории бывшего СССР в советский и постсоветский периоды.

Социальная система постсоветской России

Каковы новые черты социальной действительности, те социальные инварианты, которые определяют характер складывающейся социальной системы? Начнем рассмотрение этой непростой проблемы с анализа подспудных процессов предыдущего периода, трансформировавших изнутри советскую (этакратическую) систему.

Административный рынок, номенклатурная приватизация и становление номенклатурного капитализма

С начала 90-х годов всеупотребительным стало высказывание «номенклатура обменяла власть на собственность». Это выражение неверно хотя бы потому, что ныне, став частными собственниками, представители господствующего слоя

не перестали быть и властвующей элитой. Но, кроме того, номенклатура (или, в другой терминологии, этакратия) в условиях расцвета системы при Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо владела государством, которому, в свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно-частной. Индивидуальная собственность была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом, кстати говоря, и было одно из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного («азиатского») способа производства.

Е.Т. Гайдар справедливо вспоминает одно чрезвычайно точное наблюдение Л.Д. Троцкого: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущественный класс.» Другими словами, потребность в частной собственности связана с таким безусловным инстинктом, как родительский (60).

Лишь только репрессивный режим перестал давить на этакратию, лишь только господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т. д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств — вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 50-х годов.

Но ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок - весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют экономикой согласований. Сложный бюрократический рынок построен на обмене-торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от денежного рынка товаров и услуг на этом рынке обмениваются не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, т. е. всем, что имеет какую-либо ценность. На этом своеобразном рынке особенно котировался социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги. Директор завода или института понимал, что получить необходимые ресурсы будет намного легче, если он (она) станет депутатом Верховного Совета, Героем Социалистического Труда или лауреатом Ленинской премии (61).

Директора предприятий из «винтиков» государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активных субъектов торга. Но «торговали» они не столько между собой, что было бы залогом нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали - от рабочего до члена политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменять, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства заводского жилого дома. Поскольку в центр пробиваться становилось все труднее, то стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты - директора и чиновники - начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы, чувствуя себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг к переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев.

Таким образом, в 1953-1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения «квазичастной» собственности, шла преприватизация собственности и складывался протокласс крупных собственников.

В 1985-1991 гг. проявились подспудные процессы предыдущего периода. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова-Горбачева, вся выгода от которых досталась «своим» - хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации госсобственности и раздаче ее в «полное хозяйственное ведение» соответствующих должностных лиц (1987-1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полу государственные иные формы и таким образом еще более надежно закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России, которые только укрепили свои позиции.

Этим объясняется бескровность «антикоммунистической революции». Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупную буржуазию, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало богатым, господствующим и правящим классом, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического государственного капитализма.

Номенклатурная собственность была не единственным источником складывания буржуазных слоев. Существовал еще один канал преемственности в системах социального расслоения между «коммунистическим» прошлым и буржуазным настоящим. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в СССР, в которой к концу 80-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20-30 млн человек как полностью (вероятно, до 3 млн), так и ~ по большей части - от случая к случаю. Слои необуржуазии, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро выраставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т. д.) создавались почти исключительно для торгово- посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики (62).

Две прослойки буржуазии - легально-административная и теневая вступили в противоборство за овладение собственностью и каналами получения доходов. Борьба разворачивалась за распоряжение средствами производства и контроль над сферами распределения и обращения. Занимая выгодные исходные позиции в сфере обращения и, частично, распределения, теневая прослойка стала постепенно наращивать позиции в сфере распоряжения средствами производства. Ле-

гально-административная прослойка была вынуждена идти на уступки, корректируя законодательно-правовую основу бизнеса, в то же время сохраняя свои преимущества в административно-государственной сфере. В итоге борьбы обе прослойки к середине 90-х годов практически слились на основе сохранения власти и собственности, прежде всего у номенклатуры (63).

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший реформе, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система начала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффективными были только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или ее демонтажу. В первом варианте на выходе получаем государственно-монополистический корпоративистский капитализм; во втором демократический, социально ориентированный.

Сама природа того общества, из которого вышла перестройка и последующие реформы, такова, что социальные слои образовывали некие размытые множества, у которых даже в интенции не было осознания своих групповых интересов, специфической системы ценностей, единства образа жизни. Исключение составляла властвующая элита, которая обладала всей системой групповых признаков, включая самоидентификацию. Поэтому именно элита (этакратия, номенклатура), а вовсе не интеллигенция (как пишут некоторые авторы) оказалась локомотивом социальных изменений.

К этому следует добавить реальное распределение собственности в дореформенный период. Сложившееся к концу 80-х годов соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности.

В 1988-1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный капитализм в чрезвычайно выгодном варианте - лжегосударственной формы деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности. Выход номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата Е.К. Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации почти не платили налогов, они имели право перекачивать безналичные деньги в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному официальному курсу (0,56 руб. за 1 долл.) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 руб. за долл.). Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продукции, которые они тут же продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Эти люди создавали благотворительные фонды, непод-

контрольные налоговой инспекции и позднее в своем большинстве таинственно исчезнувшие. И наконец, все эти «свои» люди были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения «зачинателей» этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя «МЕНАТЕП», длительное время пользовавшаяся особой благосклонностью уже новых властей.

Начало открытой приватизации (1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (чаще всего) смены владельца. По идее, можно было ожидать, что фиговый листок лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники продолжат пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не будет платить по их долгам, и они как собственники станут стабильно выплачивать рабочим заработную плату. Другими словами, должен был бы начаться переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

Однако процесс пошел преимущественно по другому вектору. Лишь на несколько градусов удалось повернуть стрелку от номенклатурной к демократически-рыночной приватизации. До сих пор не существует системы достаточно развитой частной собственности, отделенной от государства. Цель номенклатуры и соединившихся с нею квазибанкиров была и остается неизменной на протяжении всего постсоветского периода - законсервировать отношения «ничейной собственности», чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной. Эта незавершенность, неопределенность отношений собственности решающим образом сказывается и на социальной стратификации.

Другой источник формирования крупных капиталов а соответственно и крупной буржуазии - льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения «новых русских» возникли в 1988 г. и приняли небывалые масштабы начиная с 1992 г. По мнению Андерса Ослунда, экономического советника правительства при Е. Гайдаре, «в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах» и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. На разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье) благодаря экспортным квотам и лицензиям сколотили огромные состояния, как выразился тот же превосходно информированный Ослунд, «люди с большими связями - должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники». Так же воздействовали на возникновение феерических состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортёры платили всего лишь 1 % действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам, а субсидия пошла в карман импортёрам. Ослунд считает, что именно такими путями «в прошедшие несколько лет в России появились по-настоящему богатые люди. В их числе банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников. Некоторые из этих людей сумели сделать более одного миллиарда долларов». Основная часть их вышла из рядов прежней советской номенклатуры (64).

Однако и в пределах predetermined варианта развития были возможности увеличить долю ненорменклатурной приватизации. Такой авторитетный и реформистски ориентированный автор, как академик Н. Шмелев, считает, что в этом отношении самой тяжкой ошибкой была конфискация всех сбережений

населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. К началу реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 трлн рублей. Все основные фонды страны оценивались тогда в 2 трлн рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300-400 млрд руб. Иными словами, если бы не конфискация, «15—20 % всей государственной собственности могло бы быть в 1992-1993 гг. выкуплено, т. е. приватизировано нормальным путем не задаром, а за деньги...» Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности - раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам.

«Но это только часть вопроса. Другая же состоит в том, что, сосредоточившись на приватизации наших промышленных монстров, реформаторы в то же время... проводят политику не поощрения, не поддержки, а, наоборот, удушения истинного частного предпринимательства, мелких и средних частных предприятий. Вытолкнув частную инициативу преимущественно в "Лужники" и отчасти в банки, реформаторы упорно и, по всему видно, преднамеренно не пускают ее в главную сферу экономики - в производство.

...власть отказывается понимать, что будущее России - это не только и даже не столько Уралмашзавод, сколько миллионы мелких и средних частных предприятий, давно уже ставших во всем мире главной движущей силой научно-технического прогресса, конкуренции, развития рынка и главным работодателем для всех, кто идет на рынок труда» (65).

Совершенно очевидно, что тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а значит, немедленном складывании демократического капитализма и конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения.

Итак, в противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процесс приватизации и формирование новой властвующей элиты в свою пользу. Я согласен с мнением Ю. Буртина о природе сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы как номенклатурного капитализма, точнее - этакратизма в новой фазе его развития. Мною эта точка зрения высказывалась в течение ряда лет, но Буртин исключительно глубоко обосновал суть складывающейся в России социально-экономической системы: «В сущности, это вовсе не капитализм, а особая, коммерциализированная перелицовка "реального социализма"...

Капитализм - царство частной собственности... Что касается "номенклатурного капитализма", то... в нем господствует принципиально иной вид собственности. Ее называют "приватизированной", что по смыслу слова является синонимом "частной", однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна». Ю. Буртин при

этом отмечает, что частная собственность «носит производительный, созидательный характер. Частным здесь является не только присвоение собственности, но и ее производство... нормой является преобладание производства над присвоением... У нас же все иначе. Частный принцип действует здесь в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Предметом частного номенклатурного присвоения сплошь и рядом оказывается стоимость, в создании которой соответствующие лица не принимали никакого или почти никакого участия: производительные силы, накопленные трудом и лишениями многих поколений, богатства российских недр, бюджетные средства.

Отсюда следует, что если частная собственность сопряжена с ответственностью, эффективностью ее производительного использования, то российские владельцы "частной собственности за общественный счет" освобождены от ответственности и риска, их богатство не зависит от их хозяйственной деятельности.

Капиталистическая частная собственность универсальна... она является достоянием всех - будь то хотя бы собственность на свою рабочую силу, на свои интеллектуальные способности, на свое жилище и т. д. Приватизированная собственность — достояние немногих. Как и ее предшественница, корпоративная собственность советского правящего слоя, она представляет собой сословную привилегию и очень дорожит этим своим анахронистическим феодальным статусом. ...современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы» (66).

Дело, конечно, не только в собственности. В стране по-прежнему нет ни свободного рынка, ни демократии. Принципиально различны по сравнению с капитализмом типы личности, этика, все основные цивилизационные черты (66, 67).

Для того чтобы добиться такого «успеха», правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что произошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития, Откровенно и точно высказался Б.Н. Ельцин: «В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции» (68).

Есть, конечно же, и другие оценки и определения современного российского социума. Возьмем, к примеру, получившую обширные отклики на Западе, но незамеченную нашими аналитиками книгу шведского ученого Стефана Хедлунда под весьма определенным названием «Русская "рыночная" экономика: скверный случай грабительского капитализма» (1999). Автор подчеркивает, что корни современных российских бед следует искать в «древней Московии». Относительно ельцинского режима он замечает, что в ситуации, когда наступил коллапс советской системы, новый режим занялся не созиданием, а разрушением и искоренением всех остатков прошлого. В условиях разрушения государственности клепто-краты столь успешно разграбили остатки советской экономики, сосредоточили столь значительные богатства, что даже после коллапса августа 1998 г. они оставались победителями, правда, находящимися перед дилеммой оказаться заключенными (69).

По мнению профессора Кембриджского университета Д. Лэйна, в России проводилась неолиберальная политика «в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма». Результат: «...можно определить Россию как "хаотическое" социальное образование. Это образование может быть определено как социальная и экономическая система, которой не хватает институци-

ональной координации и которая способствует социальной фрагментации: целям, праву, правящим институтам и экономической жизни недостает согласованности. Ее отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного классов-посредников, смесь из различных каналов обмена, криминализация и коррупция, предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли, неадекватное выражение политических интересов и экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью ...хаотическая социальная формация - это извращение, и стабильность системы ненадежна...

Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен. (подчеркнуто мной - О. Ш.) ...Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность» (70). Из приведенных слов очевидно, что Лейн, по сути дела, близок к позиции автора настоящей статьи.

К этому можно добавить суждение М. Кастельса, который оценил прошедшее российское десятилетие как «бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму» (71).

Академик Н.А. Симония разрабатывает концепцию бюрократического капитализма, становление которого в России приходится на 1992-1998 гг. Он пишет: «И в стране, и за ее пределами идет ожесточенный спор между сторонниками "западной" и "азиатской" ориентации. Раздаются, правда, и голоса, ратующие за "особый" российский путь развития (я бы сказал точнее - за особый синтез отдельных элементов западных и азиатских моделей развития с российской "почвой"), но активных сторонников подобного подхода немного, и голоса их обычно тонут в шумном хоре адептов крайних позиций». Сформировавшийся феномен российского бюрократического капитала своими предшественниками имеет страны «с богатыми историческими традициями бюрократического управления» (гоминьдановский Китай, Индонезия, Южная Корея и т. д.). В этом перечне Симония не приводит стран европейского цивилизационного ареала. По мнению автора, толчком к «массовому, практически безграничному формированию бюрократического капитализма» послужила гайдаровская либерализация...

Важной особенностью становления этой формы капитализма в России явилось то, что отсутствие консолидированной и сильной государственной власти имело своим следствием, во-первых, полную свободу рук для бюрократии, ее фактическую не подконтрольность верховной власти и, во-вторых, фрагментарность бюрократического капитала» (72).

Социальный облик победившего номенклатурного капитализма

Новые бедные и новые богатые

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) общество характеризуется невиданным в индустриальных странах разрывом между бедностью и богатством. Маршалл Голдман, профессор Гарвардского университета, отметив, что сложившаяся в России «система вобрала в себя все худшее из капитализма и коммуниз-

ма», особое беспокойство высказал относительно «крайне неравномерного распределения доходов между богатыми "новыми русскими" и остальной частью населения» (73).

Резко усилилось имущественное расслоение населения, появились значительные слои так называемых новых бедных. Реальная среднемесячная заработная плата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991-1998 гг. снизилась с 548 руб. до 193 руб., т. е. почти в 3 раза. При этом отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму упало соответственно с 3,16 до 1,7, т. е. без малого в 2 раза. После финансового кризиса 1998 г. вновь снизилась заработная плата. По уровню реального потребления население дополнительно потеряло примерно треть. Такие данные суммированы академиком Д. Львовым (74). По сведениям Госкомстата, реальная начисленная заработная плата одного работника в июле 1999 г. составляла 64,5 % от июля предыдущего года (т. е. до августовского кризиса 1998 г.). Добавлю к этому следующий комментарий аналитиков из Российско-европейского центра экономической политики: «В первом квартале 1999 г. реальная начисленная заработная плата (оцененная с использованием дефлятора потребительских расходов) достигла своего самого низкого уровня за все 90-е годы: она составила около 50 % уровня 1990 г. и оказалась на 30 % ниже уровня 1997 г.» (75).

Основным показателем здесь является уровень реальных средних душевых доходов. В марте 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. они составили 28 %. С февраля 1992 г. по ноябрь 1994 г. реальные душевые доходы выросли на 58 %; за аналогичный период - с февраля 1995 г. по ноябрь 1997 г. рост составил лишь 6,4 %, причем уровень доходов ноября 1997 г. был ниже уровня ноября 1996 г., и 1995 г., и даже 1994 г., причем последнего на 10,8 %. В ноябре 1998 г. уровень реальных доходов составил 81,5 % к ноябрю 1997 г., а в июле 1999 г. - 72,7 % к предыдущему году. Если принять во внимание возрастающую в эти же годы дифференциацию населения по уровню жизни, то несложно представить положение не только социальных низов, но и так называемых средних слоев. Итог таков: согласно даже официальным данным, в сентябре 1997 г. за чертой бедности находился 21 % населения. По более поздним данным, в октябре 1998 г. за чертой бедности находились около 45 млн человек, или каждый третий житель России. При этом величина прожиточного минимума, взятого за основу этого расчета (500 руб.), явно занижена. Это уже критерий не бедности, а нищеты. Порог бедности, по крайней мере, вдвое выше, а за его пределами находится около 70 % населения (76).

Эта бедность не только следствие низкого уровня развития экономики, но результат политики правящих верхов по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. С началом реформ номенклатура с ее осознанными интересами, самоидентифицированием, присоединив к себе теневиков, а в ряде случаев и лидеров криминалитета, формируясь постепенно как элита общества государственно-капиталистического типа, в соответствии со своими нуждами стала выстраивать и политику государства.

Анализ показывает, что правящие круги России расходовали и продолжают расходовать предельно ограниченные ресурсы страны на защиту интересов ведущих финансово-промышленных групп. Так, при решении вопросов о возвращении долгов по налоговому обложению специально созданная в октябре 1996 г. во главе с премьер-министром чрезвычайная комиссия по сбору налогов крайне

бережно отнеслась к крупнейшим неплательщикам. Как установила Счетная палата при парламенте, чистая прибыль РАО «Газпром» за 1996 г. составила 33,2 трлн руб. (около 6,5 млрд долл.). Государству, как владельцу 40 % акций, полагалось получить 12 трлн, а оно получило только 20 млрд руб. Общий ущерб от подобных действий правительства за 1995-1997 гг. составил 65,8 трлн руб. (77).

Подсчеты ИНП РАН показали, что если 85 % населения с доходами ниже 400 тыс. руб. в месяц полностью выплачивали подоходный налог, то часть населения (15 %) с доходом более 3 млн руб. на человека уплатили лишь десятую часть налогов (2,1 % от совокупного дохода вместо положенных примерно 20 %). В итоге в 1996 г. казна не досчиталась около 100 трлн руб. (78).

Надо заметить, что радикальные либералы, контролировавшие до недавнего времени и реальное управление и реальную идеологию, так же, как и прагматики - представители складывающегося крупнобуржуазного класса, во многих случаях не скрывали ни той системы ценностей, которую они реально защищали, ни своих собственных интересов, ни явного равнодушия к интересам простых людей. Как писал член первого постсоветского правительства России О. Попцов: «Чубайс не очень утруждал себя нравственными терзаниями, когда любой ценой вытаскивал новое сословие (банкиров, крупных предпринимателей. - О. Ш.) на поверхность политической жизни и рассматривал его как свою главную общественную опору. Вспомним чековые фонды, финансовые пирамиды. Поэтому его не должны приводить в ярость слова Березовского: "Мы владеем половиной страны и намерены ею управлять" (79). И действительно, менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролируют примерно 70 % экономики России (80).

Встречают упорное сопротивление со стороны олигархических групп предложения об инвентаризации федеральной собственности, общественном контроле за доходами и расходами крупнейших естественных монополий, переходе от обложения налогами в основном доходов к обложению имущества и рентным платежам.

Подтвердилось высказывание профессора Джеффри Сакса, который писал; «Основная часть тех баснословных доходов, которые СССР получал от продажи энергоносителей, сейчас попадает в карманы нескольких частных лиц. (Например, до настоящего времени никому не известно, кто же на самом деле владеет "Газпромом"...)» (81). Таким же образом Дж. Сакс рассматривает внешнюю торговлю - как благоприятное поле для коррупции, сюда же он относит еще одно «поле» незаконного обогащения - дешевые кредиты Центробанка частным банкам.

Он же признал; «Мы поторопились приватизировать в России добывающую промышленность». Это стало почвой «для огромной коррупции, губящей реформы». Коррупционность российских чиновников и криминализация экономики в целом существенно сказываются на распределении доходов в стране. В развитых капиталистических странах на всю криминальную сферу приходится не более 8-10 % от валового продукта. В постсоветской России эта цифра, по данным МВД, достигает не менее 40 %. По сведениям газеты «Известия», реально доля криминальной сферы выше - около 50-60 % (82).

По мнению Дж. Сакса, человека, которого трудно обвинить в отказе от неолиберальных установок в экономической политике, положение в России коренным образом зависит от всепроникающей коррупции, ставшей спутником реформ. В этом, он считает, виноват Запад. Исторический шанс реально повлиять

на ситуацию в России был упущен Западом в 1992 г., когда развитые страны не предоставили финансовой помощи молодым, но по преимуществу честным реформаторам под руководством Е.Т. Гайдара. Из-за отсутствия внешней поддержки, под давлением экономических обстоятельств Б.Н. Ельцин был вынужден заключить «союз с дьяволом» в лице бывшей партийной номенклатуры (таково мнение Дж. Сакса; можно исходить и из предположения о естественности этого сотрудничества для Ельцина). Молодые реформаторы в основном были изгнаны из правительства, и старые аппаратчики овладели контрольными позициями в управлении страной. Западные лидеры успокаивали себя тем, что люди, которые не вполне чисты на руку, лучше, чем отъявленные экстремисты.

Эта позиция Запада оказалась столь же катастрофической для России, как и отношение Запада к борьбе с большевизмом в 1918-1920 гг., становлению нацизма в Германии, т. е. практически политика, в одних случаях, непротivления злу насилием, а в России 1992-1993 гг. - отказ от активной политики, стимулирующей демократические и либеральные преобразования в этой большой и трудно становящейся на ноги как неагрессивной, немилитаристской стране. В таком контексте можно понять ситуацию безресурсности социальной политики, отсутствие каких-либо шансов сформировать социальное государство (83).

Независимо от обстоятельств и особенностей политической и экономической ситуации, в России всегда скрывали и продолжают скрывать реальное распределение национального дохода. Именно с этим связано крайне редкое появление в печати сведений о «подлинном богатстве богатых», расхождении между официальным и реальным бюджетом, которым располагает правящий политический слой. И сегодня это все еще *terra incognita*.

Отсюда все чаще возникают рассуждения специалистов о степени «прозрачности» или «непрозрачности» федерального и региональных бюджетов, финансовых накоплений компаний и т. д. Поэтому совершенно не ясно, почему при таком огромном сжатии милитаристских расходов, затрат на поддержание «дружественных» режимов за рубежом, субвенций бывшим союзным республикам и т. д. и т. п., т. е. большей части затрат прежних времен, столь жалкими выглядят социальные затратные статьи федерального и региональных бюджетов. Ведь Россия относится к странам с уникальным объемом природных ресурсов, включенных в экономическую жизнь. Подобный анализ никогда не проводился и, по-видимому, неслучайно. Во всяком случае, на страницы печати эти данные попадают в разрозненном виде.

Попытки наиболее здравомыслящих представителей правящей элиты прекратить фаворитизм по отношению к крупнейшим топливно-энергетическим и финансовым монополиям, которые образовали ядро олигархического режима, склонного к трансформации в режим криминально-олигархический, успехом не увенчиваются. Речь идет не о переделе собственности, а о готовности верхушки неокапиталистов поделиться своими доходами с национальным бюджетом и тем самым дать возможность государству приложить определенные усилия к расширению собственной социальной базы и облегчению положения значительных групп населения. Как напомнил Ю.М. Лужков, «давнее утверждение, что богатые люди должны брать на себя серьезные социальные функции - делиться своим богатством с беднейшей частью общества, принципиально никем не опровергнуто ...практика перераспределения доходов-обязательное условие устойчивого развития общества...» (84).

Формирование класса крупных собственников

Для трансформационного периода, в котором живет российское общество с середины 80-х годов, наиболее радикальным процессом явилось формирование социальных групп собственников - крупных, средних и мелких, которые получают доход в виде прибыли, ренты, поступлений от денежных операций. Здесь особенно интересна и важна трансформация прежней правящей элиты в класс доминирующих собственников.

Как известно, в обществах советского типа институты власти и собственности не были разделены. На основе отношений «власть-собственность» сложился господствующий в экономике и политике единый целостный слой этакратии (номенклатуры). Этот слой был одновременно и социальной единицей в стратификационной иерархии, и властвующей элитой в государстве и его институтах. Выше я попытался раскрыть те механизмы (административный рынок), благодаря которым еще в период упадка этакратического общества стала рушиться цепь взаимосвязи «власть—собственность».

Пришедшее к власти ельцинское руководство не столько создавало новую систему государственности, отключенной от собственности, сколько реорганизовывало старую власть. А потому прежние властные структуры и люди интегрировались в новые институциональные образования. Другими словами, старая элита не ушла с национальной сцены, а в значительной части сохранила свои властные полномочия и привилегированное положение.

Не произошло отделения властвующей элиты от господствующего в экономике протобуржуазного класса. Банкир и промышленник, с одной стороны, крупный чиновник-администратор и лидер политической партии, с другой - это взаимодействующие персоны, а не просто социальные единицы в структуре общества.

Одни выходцы из номенклатуры, отбросив старый хлам уже ненужных лозунгов и идей, сменив имидж, сумели занять устойчивое положение на верхних этажах законодательной и, особенно, исполнительной власти. Другие, ориентированные не столько на политическое лидерство, сколько на свое реальное материальное благосостояние, заняли ведущее положение в новых рыночных структурах, став крупными предпринимателями и банкирами, решающими свои проблемы совместно с крупными и средними чиновниками.

Основная особенность взаимодействия предпринимателей и чиновников, сложившаяся с середины 90-х годов и превратившаяся в устойчивую систему отношений, заключается в том, что эти отношения приобрели долгосрочный характер. Сформировались специфические контракт-отношения, уже не сводившиеся к простому обмену услугами между чиновником и бизнесменом. Скорее, они предусматривают взаимную стратегическую и тактическую поддержку в рамках длительного сотрудничества, при этом отдельный чиновник по отношению к отдельному предпринимателю все более начинает выступать в роли партнера по бизнесу (85). Результатом такого симбиоза стала неэффективность национальной экономики на макроуровне, так как потери общества многократно превышают те выгоды, которые получают от поддержания контракт-отношений конкретные дельцы и конкретные чиновники. Конечно, это не нормальные экономические агенты, действующие в рыночной конкурентной среде. Это квазикапиталисты - прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка.

Включалась бывшая номенклатура в новые социальные и политические институты сравнительно медленно; это были годы исторической паузы, необходимой для того, чтобы правящий слой убедился в своей защищенности, а его представители смогли найти свои «экологические ниши». В этих условиях любое резкое движение в сторону перераспределения власти могло привести к необратимому конфликту с непредсказуемыми последствиями. Неслучайно вернулись в политическую элиту активные противники новой власти - организаторы и августовского путча 1991 г., и октябрьской смуты 1993 г.

Характерны данные исследования российской элиты 1993 г. В административной элите центра 60,1 % сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2 % - повысили его; снизили статус 12,7 %. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0 %, повысили - 17,7 %. Генералитет, верхушка армии в большинстве либо сохранили прежние позиции (35 %), либо были повышены в чинах и званиях (47,5 %). Так же выглядят и перемены в положении политической элитной группы: сохранили статус 76,6 %, повысили - 10,3 %. Высока была стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5 %, повысили - 40,0 % (86).

Анализ показывает, что политики, прошедшие все ступеньки номенклатурной карьеры в советские времена, занимали и продолжают занимать ключевые позиции в региональной элите - вплоть до президентов республик, губернаторов краев и областей. За 1994-1999 гг. резко возросла роль «старых» кадров на федеральном уровне, естественно, с учетом демографических подвижек. И здесь совершенно органично усиление влияния представителей спецслужб, входивших в суперядро советской номенклатуры. Добавим, что немалое число неофитов в политических верхах являются выходцами из семей, принадлежавших к элитным группам в прежней властной иерархии.

Происхождение российских квазикапиталистов во многом определило особенности их сознания и поведения. Главное их качество - сочетание черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных предпринимателей. Сохраняющиеся аппаратные качества позволяют ориентироваться в сложной российской ситуации, что делает их конкурентоспособными. Старые связи, навыки управления помогают решать новые задачи, хотя далеко не всегда наилучшим образом (поскольку они накоплены в других условиях). Есть немало примеров неэффективности номенклатурных бизнесменов, их стремления сохраниться в тени неконкурентного квазирынка. Пожалуй, главное состоит в сопротивлении определенной части номенклатурного капитала становлению малого и среднего, особенно венчурного, бизнеса.

Главным же достижением директората и высшей отраслевой бюрократии стало обеспечение наилучшего для себя варианта приватизации. Они сумели избежать как либерального варианта (массовая свободная распродажа госсобственности на открытых аукционах), так и популистски-демократического (равномерный раздел между всеми гражданами). В результате директора добились возможности приобретать крупные пакеты акций своих предприятий по закрытой подписке, а в некоторых случаях становиться их полными владельцами. Почти весь директорский корпус остался на своих местах, а главы министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба.

Одновременно они входят в состав политической верхушки страны и контролируют мощные финансово-промышленные группы: нефтегазовый комплекс, ядро которого образует «Газпром», одна из крупнейших монополий в мире (ею руководил В.С. Черномырдин); так называемая «Московская группа», имеющая доступ к огромному финансовому и промышленному потенциалу г. Москвы, возглавляемая Ю.М. Лужковым. Прозападно ориентированный бизнес группируется вокруг бывшего первого вице-премьера А.Б. Чубайса, который руководит РАО «ЕЭС» и тесно связан с международными финансовыми организациями.

Есть ли у нас средний класс?

Многие авторы пишут о судьбе среднего класса в России. Этот вопрос действительно имеет первостепенное значение для развития страны. К среднему классу зрелого индустриального и информационного обществ обычно относят группы самостоятельно занятых, т. е. мелких предпринимателей, коммерсантов, ремесленников. Но наряду с ними все большую роль играют и группы хорошо оплачиваемых работников наемного труда: менеджеры, лица свободных профессий, научные работники, работники сферы информатики и массовой информации, деятели искусства, врачи, административные, торговые и инженерно-технические работники предприятий. Они образуют верхний слой среднего класса. К среднему классу относят также учителей школ, средний медицинский персонал и работников социальных служб, служащих государственных учреждений, техников, торговых агентов и т. д.

В России все эти профессиональные категории есть, но, как отметил порядочное количество лет назад В.И. Уемов (чьи слова, к сожалению, не устарели), «они почти всегда изолированы и не образуют общность, обладающую собственной идентичностью. Центры кристаллизации среднего класса рассеяны в общественном пространстве и весьма слабо просматриваются на фоне социально и политически активных номенклатурных, корпоративных и мафиозных структур. Среднего класса как такового в России нет, но есть огромная проблема: некому исполнить важнейшую для обеспечения прогрессивного развития функцию социального стабилизатора, смягчающего силовые действия классово-оппонентов, препятствующего лобовым столкновениям их политических представителей» (87).

После выхода из печати за последние годы цикла превосходных работ по проблемам российского среднего класса (88, 89, 90), нет нужды в подробностях рассматривать этот сюжет. Отмечу лишь те моменты, которые впрямую связаны с проблематикой статьи.

Многие авторы на протяжении 90-х годов, исходя из наличия сходных с западными обществами профессиональных категорий, доказывали и продолжают утверждать, что еще в СССР сложился средний класс, который в ходе реформ стал исчезать. И реформы, по их мнению, разрушили прежние слои среднего класса и не смогли создать социальную базу для ожидаемого нового. Эти авторы справедливо напомнили радикальным либералам о том, что при всех издержках советская модернизация обеспечила формирование уникального социального объекта — массовой интеллигенции с ее огромным интеллектуальным потенциалом. Именно интеллигенция, и прежде всего ее «ядро», тончайший высокоинтеллектуальный слой общества, откуда, кстати говоря, произошли и либералы-реформаторы, подготовила преобразования России.

Критериями отнесения к среднему классу бесспорно являются уровень образования и его качество. Последний момент имеет особое значение. В 60-80-е годы было немало научных публикаций и дискуссий об избыточности производства инженеров, иллюзорности заочного и вечернего образования, вузах без профессоров и профессорах, неспособных научить чему-либо студентов. Поэтому отнести всех, кто занимал должности, требующие высшего и среднего специального образования, всех, кто имел это образование, к потенциальному резерву среднего класса и тем более к уже существовавшему, но размывающемуся в ходе реформ среднему классу, нет никаких оснований.

Действительно, рынок даже в своем начальном состоянии повысил требования к качествам и работодателя и работника. Поэтому изменилась и слоевая идентификация населения. Так, согласно специальному исследованию, в Нижнем Новгороде к среднему классу относили себя в 1988 г. 70,4 % респондентов, в 1993 г. - 52,7 %; в 1995 г. - 38,2 % (91). Частично здесь сказались и негативные факторы нисходящей мобильности. Но преобладало влияние приведения иллюзорного социального статуса к реальному.

Возникает самый важный вопрос: существует ли средний класс в России и если «да», то есть ли у него перспективы? Какие группы трансформирующегося общества могут стать центрами кристаллизации среднего класса?

Отвечая на этот вопрос, социолог из Финляндии М. Кивинен отмечает, что многие русские исследователи связывают проблему среднего класса в первую очередь с собственностью. Но по опыту Запада сегодня средний класс - это прежде всего наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями.

Однако в России в советское время ресурсы власти, представляемые профессионализацией, использовались ограниченно. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии к тому же находились в зависимом отношении к доминирующей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»).

Поэтому в России, по Кивинену, становление среднего класса определяется перспективой формирования профессий как социального института, связанного с предпринимательством. Социальные интересы ядра новых групп среднего класса не противоречат интересам капитала. Прежде всего они стремятся сохранить значение умственного труда. Но это согласуется с тенденцией капиталистического развития (92).

Шанс пополнить средний класс имеют группы специалистов высшей и средней квалификации промышленности и науки, интеллектуалы, руководители высшего и среднего звена управления, преподаватели университетов и средних школ. Но это еще не сам средний класс. Следует учесть, что вектор мобильности определенной части представителей этих групп все еще направлен вниз, т. е. между профессиональной принадлежностью и классовый идентификацией нет автоматизма. Это весьма болезненный переход от принадлежности к размытой межслоевой группе - интеллигенции - к вхождению в состав профессионалов (professionals) как ядру будущего среднего класса.

В средний класс смогут войти и вновь появившиеся лица свободных профессий, предприниматели в мелкопромышленном секторе и сфере услуг, работники

информационного сектора, системы частного образования, специалисты и консультанты в финансово-банковской сфере, фермеры, менеджеры частных и акционерных предприятий.

Необходимо помнить, что социальная группа, слой - это не только характер экономической деятельности. Для формирования среднего класса помимо экономических предпосылок необходимо: складывание определенных стереотипов поведения, установок, системы ценностей; самоидентификация, самоорганизация как общности; обеспечение определенного качества (не уровня, а именно качества) жизни (медицинское обслуживание и охрана здоровья, рациональное питание, добротное и перспективное образование детей и т. д.); капитал или интеллектуальный ресурс, позволяющие обеспечивать относительную устойчивость в социальном статусе, экономическую и гражданскую независимость.

Всем этим критериям претенденты на роль среднего класса России, выдвигаемые исследователями, а чаще пропагандистами властвующей элиты, не соответствуют. Ни уровень жизни, ни самоидентификация не являются лакмусовыми бумажками принадлежности к среднему классу. Классы не лопаются как мыльные пузыри в периоды экономических встрясок, наподобие дефолта 1998 г., и не возникают от появления какого-то числа покупателей с непустыми бумажниками, без учета того, в результате какой деятельности потолстели оные бумажники. Очевидно, такой иллюзорный средний класс сочиняют для оправдания своих неудач или сокрытия подлинной направленности своей деятельности политические лидеры, творцы реальной социальной политики.

Некоторые направления становления новых форм стратификации в России

На новом этапе развития России возвратимся к вопросу, который активно обсуждался в 1960-е - начале 70-х годов, когда социологи в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества активно выдвигали концепции социального неравенства и в связи с этим занимались поиском естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Теперь, когда, по крайней мере автору этих строк, стало совершенно ясно, что трансформационные процессы идут совсем не по ожидавшемуся пути складывания буржуазного общества западного типа, а каким-то особым образом, снова возникает вопрос о реальности тех социальных групп (слоев, классов), которыми оперируют социологи и политологи, опираясь на свои теоретические конструкции и реалии развитых демократических стран с устоявшейся системой стратификационной иерархии.

В связи с этим и возникла идея вернуться к исследованиям социальной дифференциации современного российского общества для выявления в нем реальных социальных совокупностей.

Что касается вопроса о показателях реальности той или иной группы, то прежде всего следует заметить, что реальные группы выступают субъектами и объектами реальных отношений (власти, эксплуатации и т. д.). Их потребности и интересы можно измерить; у них общие социальные нормы; общие ценности; взаимная идентификация; сходная мотивация; символы; стиль жизни; для них характерны самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных связей.

Эта задача решалась на основе материалов представительных опросов населения России: а) «Как живет сейчас россиянин»? (проведен в 1994 г.)*; б) «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (4-я волна, 1998 г., включавшая вопросы, предложенные авторами исследования). В данную публикацию включены некоторые итоговые расчеты по материалам первого опроса (см. описание методов и результатов в (93)).

В эмпирическом смысле из возможных комбинаций признаков необходимо выделить те, которые наиболее резко дифференцируют рассматриваемую общность - совокупность респондентов. Статистический анализ показал, что это индикаторы власти, собственности и внепроизводственной деятельности. В связи со сказанным выше мы предположили, что выделяемые на основе индексов власти, собственности и характера внепроизводственной деятельности социальные группы являются реальными. На основе имевшихся в опросном листе признаков были сконструированы индексы власти, собственности и характера внепроизводственной деятельности. Математически задачи подобного типа решаются методами многомерной классификации (к этому типу процедур относятся кластерный анализ, таксономия и т. д.). Было решено применить один из оправдавших себя методов распознавания образов - кластерный анализ.

Был проведен ряд испытаний с разным количеством кластеров (предполагаемых реальных групп = слоев), и в итоге оптимальным оказалось число 10, поскольку при анализе результатов кластерного анализа с более чем десятью кластерами было обнаружено, что многие кластеры фактически представляют собой одну и ту же группу респондентов с незначительно разнящимися характеристиками, к тому же во многих из данных групп не было достаточного для анализа числа респондентов, а при анализе менее 10 кластеров был риск, что некоторые важные группы сольются в одну. Окончательные результаты приведены в табл. 1. Очевидно, что в каждом кластере присутствует группа респондентов с уникальным набором индексов власти, собственности и ИХВД.

Выделенные этим методом группы тестировались на их «реальность». При отборе критериальных характеристик существенным ограничением явилось то обстоятельство, что массив информации был сформирован для других исследовательских целей. Из имевшихся переменных наиболее тесно связанными с индексами власти, собственности и ИХВД оказались: наличие у респондента подчиненных, недвижимости и характер проведения отпуска. Предполагалось, что существенные различия по отобранным критериальным характеристикам групп, выделенных методом кластерного анализа, подтверждают их реальность (табл. 2).

В дополнение к указанным критериям мы протестировали выделенные группы по ряду жизненных ценностей респондентов. Из них дифференцирующими оказались следующие: значимость для респондента его работы, друзей, политики. Из дифференцирующих «объективных» характеристик респондента был использован уровень образования.

Нам представляется, что выделенные кластеры вполне могут быть интерпретированы как реальные социальные слои в терминах, принятых в стратификационных концепциях со времен Л. Уорнера. Нет оснований сомневаться в том, что

* Методика представительного опроса 1994 г, описана в статье: Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда//Мир России. 1996. N 1. С. 101-106.

Таблица 1

Средние значения индексов власти, собственности, характера внепроизводственной деятельности и интегрального индекса социальных групп, выделенных на основе кластерного анализа.

Номер кластера	Индекс власти	Индекс собственности	ИХВД	Количество наблюдений в каждом кластере	Значение интегрального индекса социальных групп
Первый	0,008	2,72	1,56	505	4,29
Второй	0,006	1,96	3,28	335	5,24
Третий	0,022	4,81	2,21	235	7,05
Четвертый	0,010	3,71	3,43	380	7,15
Пятый	0,079	3,12	5,16	179	8,37
Шестой	3,512	2,69	2,72	125	8,92
Седьмой	4,427	4,85	2,60	77	11,88
Восьмой	3,904	3,62	5,37	68	12,90
Девятый	6,009	3,09	3,88	64	12,97
Десятый	6,215	5,45	4,77	41	16,43

кластеры один-два образуют низший слой общества, что кластеры три-пять могут быть определены как промежуточный социальный слой (в терминологии Дж. Голдторпа, но с несколько иным наполнением). Кластеры шесть-девять по совокупности присущих им черт могут быть идентифицированы как средние слои. И наконец, десятый кластер по-видимому, можно определить как высший средний или низший высший социальный слой.

Проведенный нами анализ состава респондентов по видам занятий наглядно показал, что попытки выделить реальные слои на основе одной лишь профессиональной принадлежности респондента лишены всяких оснований. Действительно, пенсионеры и безработные встречаются во всех кластерах вплоть до шестого, мастера, начальники участка - в кластерах с шестого по девятый, инженеры НИИ, КБ - в ряде кластеров со второго по восьмой. Вообще говоря, образам, сложившимся в соответствии со значениями индексов власти, собственности и ИХВД, во многих случаях оказались не соответствующими респонденты с занятиями, казалось бы, относящимся к более высоким социальным слоям. Любопытно, что почти во всех выделенных кластерах встречаются бухгалтеры и экономисты. Видимо, это объясняется как региональными различиями, так и внутри профессиональной социальной дифференциацией. Некоторые респонденты из некогда престижных занятий в большинстве случаев не должны бы были попасть в низший и промежуточный слои. Скорее всего, это может быть объяснено влиянием некоторых факторов - таких, как принадлежность к семьям, в которых доминируют люди с низким социальным статусом, недавним вхождением в новый вид занятий, отмеченной нами выше неустойчивостью социальных статусов в трансформирующемся обществе, неадекватностью респондентов занимаемой ими прежде социально-профессиональной позиции.

Более того, полученные данные свидетельствуют, что группировки не только по родам занятий, но и доходу и даже образованию не вполне совпадают с принадлежностью респондентов к выделенным реальным группам. Можно предпо-

дожить, что при проверке предложенного метода и отбора значимых признаков на иных массивах данных они окажутся близки к группам, выделяемым на основе оценок самими членами общества социального статуса своих сограждан.

Первый и второй кластеры, идентифицируемые нами как низший социальный слой, включают следующий спектр занятий: пенсионер, инвалид; безработный; слесарь; продавец, киоскер; повар, кондитер; водитель грузовика; уборщица; почтальон; в отпуске по уходу за ребенком; разнорабочий; домохозяйка; станочник; водитель общественного транспорта; рабочий в сельском хозяйстве; плотник, каменщик; электрик; сельский механизатор; преподаватель техникума; студент вуза; лаборант НИИ; оператор ЭВМ; бухгалтер; экономист; инженер НИИ, КБ; предприниматель; налоговый инспектор; секретарь-референт и др. Широкий спектр социально непрестижных занятий раскрывает сходство условий существования людей, попавших в данный слой. В этом слое явно доминируют «новые бедные», включившие в свой состав вполне образованных людей. Более 60 % респондентов, отнесенных к этому слою, получили полное среднее и среднее специальное образование; во втором кластере 17,6% респондентов имеют высшее образование; лишь 19,6 % и 11,2 % (соответственно для первого и второго кластеров) были с образованием 1-9 классов.

Респонденты из третьего—пятого кластеров, составляющие, по нашему мнению, промежуточный социальный слой, обладают следующими видами занятий: пенсионер; инвалид; безработный; домохозяйка; разнорабочий; рабочий в сельском хозяйстве; вахтер, сторож; медсестра, фельдшер; продавец, киоскер; слесарь; электрик; шлифовщик, гальваник; водитель грузовика; водитель общественного транспорта; преподаватель техникума; студент; инженер; секретарь-референт; преподаватель вуза; научный сотрудник; бухгалтер; экономист и др.

Центральные тенденции уровня образования для третьего и четвертого кластеров совпадают с таковыми во втором: по-прежнему велико число респондентов, получивших среднее специальное (33,3 % и 32,4 %) и полное среднее (26,8 % и 23,1 %) образование, затем идут респонденты с высшим образованием (15,2 % и 21,0 %) и проучившиеся лишь 1-9 классов (12,1 % и 14,4 %), но уже в пятом кластере на первое место выходят респонденты с высшим (33,5 %) и лишь затем идут респонденты со средним специальным (29,0 %) и полным средним (18,8 %) образованием.

И по спектру занятий, и по значениям индексов власти (который резко выделяется на фоне групп, образующих низший и промежуточный слой), а также собственности и ИХВД четко отделена от предыдущих группа респондентов, образующих шестой кластер. В него входят респонденты со следующими занятиями: мастер, начальник участка; главный бухгалтер; цветовод, агроном; врачи всех наименований; бухгалтер. Более половины всех респондентов из шестой группы (52 %) имеют среднее специальное образование, следом идут респонденты с высшим образованием (25,6 %). Неблагополучие руководителей низшего звена, менеджеров из разных отраслей экономики, попавших в этот кластер, связано с тем, что не обеспечиваются важные условия воспроизводства: властные полномочия этих людей не подкреплены ресурсами для внепроизводственной деятельности. Данная группа, видимо, находится на нижних ступенях формировавшегося в то время среднего класса.

Ядром среднего класса можно считать респондентов из седьмого и восьмого кластеров: мастер, начальник участка; ведущий инженер; врачи всех наименова-

Центральные тенденции для десяти выделенных групп

Номер кластера	Число подчиненных	Собственность на недвижимость	Характер проведения отпуска
Первый	нет- 100%	нет - 98,2%	дома - 72,2 % на даче- 16,7 % у родственников - 16,7 % пользовался гос. дачей или снимал дачу - 16,7 %
Второй	нет- 100%	нет - 100 %	дома- 51,4 %; у родственников - 24,4 % на даче - 15,6 %
Третий	нет- 100 %	да - 84,2%	дома - 58,3 % на даче - 33 % у родственников - 8,3 %
Четвертый	нет- 100%	нет - 66,7 % да - 22,6 % нет отв. - 10,7 %	дома-43,1 % на даче - 29,4 % в самостоятельной турпоездке - 9,8 % у родственников - 7,8 %
Пятый	нет- 100%	нет - 95 % да - 5 %	в доме отдыха и т. д. - 34 % у родственников - 17,4 % дома- 13 % на даче- 13 % в самостоятельной турпоездке - 13 %
Шестой	менее 5 чел. - 100 %	нет- 100%	дома - около 100 %
Седьмой	менее 5 чел. - 75 % 10-50 чел.-25%	да - 75 % нет - 25 %	дома - 50 % на даче - 25 % у родственников - 25 %
Восьмой	менее 5 чел. - 44,4 % 5-10 чел.- 44,4% 10-50 чел. - 11,1 %	нет - 77,8% да- 11,1 % нет отв. - 11,1 %	в доме отдыха и т. д. -33,3 % дома - 22,2 % и др.
Девятый	10-50 чел.-50% более 100 чел.-50%	нет- 100%	дома - 50 % в самостоятельной турпоездке - 50 %
Десятый	5-10 чел.-33,3% 10-50 чел.- 33,3 % 50-100 чел.-33,3 %	да- 100%	у родственников - 33,3 % в самостоятельной турпоездке - 33,3 % на турбазе и т. д. - 33,3 %

ний; товаровед; инженер НИИ, КБ; предприниматель; главный бухгалтер; начальник цеха, прораб. Представители данных занятий обладают профессиями, обеспечивающими неплохой достаток и уверенность в будущем. У этих групп достаточно высоки значения всех трех индексов. Они сравнительно немногочисленны, что позволяет предположить их более сильную связанность друг с другом в смысле осознания принадлежности к одной социальной нише. Образование респондентов из этих кластеров, как и следовало ожидать, еще более высокое: в седьмом и восьмом кластерах соответственно первые места занимают высшее (49,4 % и 51,5 %) и среднее специальное (32,5 % и 32,4 %) образование.

Последней группой, образующей так называемый высший средний класс, являются респонденты из девятого кластера, обладающие чрезвычайно высокими значениями всех индексов и высокостатусными занятиями: директор промышленного предприятия; предприниматель; ведущий инженер; мастер, начальник участка; главный бухгалтер; заведующий лабораторией. Члены девятого кластера имеют еще более высокий уровень образования: высшее образование получили 75 % респондентов, а среднее специальное - 17,2 %.

Десятый кластер еще более немногочислен, его отличают самые высокие значения индексов власти, собственности и ИХВД. Соответственно высокодоходны и престижны и занятия людей из него: предприниматель; директор промышленного предприятия; начальник цеха; главный бухгалтер. Как можно заметить, список занятий в данном кластере почти аналогичен списку занятий девятого. Очевидно, что эти два последних кластера тесно взаимосвязаны. Однако группа респондентов, отнесенная к десятому кластеру, социально находится несколько выше, чем соседствующая группа. Тенденция почти линейного возрастания уровня образования респондентов с ростом их социального статуса, наметившаяся при анализе предшествующих групп, продолжается и здесь: высшее и неоконченное высшее образование получили 68,3 % и 12,2 % соответственно, а среднее специальное - 19,5 % респондентов.

При анализе жизненных ценностей респондентов по выделенным группам (при ответе на вопросы: насколько важна для респондента работа, дружба и политика) нами были обнаружены и другие интересные тенденции. Во-первых, несколько огрубляя, можно сказать, что существует почти близкая к линейной зависимость отношения членов группы к их работе от положения группы на социальной лестнице. Процент ответивших положительно колеблется от 73,7 в первой группе до 95,3 в девятой.

Во-вторых, чем выше стоит группа на социальной лестнице, тем более важен для членов группы круг их друзей и знакомых (в девятой - 87,1 %, десятой - 87,5 %, восьмой - 93,9 % на фоне 76,7-83,2 % в других группах). Резко выбивается из этой тенденции лишь седьмая группа. Мы не нашли этому объяснения в рамках тех переменных, которые использованы в анализе.

В-третьих, четко прослеживается тенденция: чем выше группа на социальной лестнице, тем более важна для ее членов политика. На общем фоне (16,6-24,7 %) позитивных ответов опять резко выделяются девятая, десятая, восьмая и седьмая группы (соответственно 42 %; 35 %; 27,7 %; 27,3 %), что можно объяснить тем, что для этих групп кардинальные изменения в политическом курсе может означать такое же кардинальное изменение их судьбы.

За время, прошедшее после опроса 1994 г., в обществе произошли изменения: большую завершенность получили стиль жизни, особенности ментальности

у представителей разных социальных слоев и т. д. Но, к сожалению, достаточно надежной базой для проведения подобной работы по выявлению реальных социальных слоев образца 1999-2000 гг. мы не обладаем.

Очевидно, что переход от старого типа стратификации к новому в России происходит эволюционно, путем постепенной трансформации. Существующая стратификационная иерархия носит транзитивный характер, сплавляя воедино старые и новые группирования. Наблюдается единение федеральных властных структур с крупным финансовым капиталом. Слабо представлены в социальной мозаике средние слои. Идут сложные процессы социальной мобильности на фоне изменяющейся отраслевой структуры экономики и профессионального состава занятости.

В ходе этих перемен преобразуются ранее существовавшие социальные группы. Переход к рыночной экономике, по-видимому, подвел черту под существованием исторического феномена российской действительности второй половины XIX и большей части XX в. - интеллигенции: как особое межслоевое образование, во многом влиявшее на социальную и политическую жизнь страны, она исчезает, распадается на подлинных профессионалов - ядро немногочисленных средних слоев и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть. Формируется, в том числе и за счет бывших интеллигентов, слой малых и средних предпринимателей.

Переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации, так и незавершен. Властные отношения все еще доминируют над собственническими. Устойчива ориентация, особенно молодой части россиян, на предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, на работу в частном секторе. Таким образом, приходится констатировать незавершенность выбора населением России своего социально-экономического будущего.

Выводы из сказанного

Общественное устройство современной России есть прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, первооснову которой составляли отношения типа «власть-собственность», социальная дифференциация носила неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии. В отличие от большинства восточноевропейских стран в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Присущие этакратическому обществу слитные отношения «власть-собственность» получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. В советском обществе только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. Благодаря этому в ходе реформ номенклатура сохранила контрольные позиции во власти и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Таким образом, в постсоветской России в трансформированном виде сохранилось этакратическое общество, которое приобрело форму номенклатурно-бюрократического квазикапитализма. На этой основе сложился своеобразный тип со-

циальной стратификации, представляющей переплетение сословной иерархии и элементов классовой дифференциации.

Основной вопрос, на который необходимо получить ответ в предстоящих дискуссиях: имеется ли выход из того тупика, в который загнана страна, найдутся ли в ней социальные силы, способные переломить ситуацию и вывести Россию на дорогу, ведущую в рыночную информационную экономику?

Вариативность возможных сценариев развития России предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов, в другом измерении - латиноамериканского и японского путей развития капитализма. Вот фон, на котором могут в дальнейшем развиваться события социальной жизни. До 2000 г. властвовал компрадорский капитал, взаимодействовавший с коррумпированным чиновничеством. И пока сохраняется такая тенденция, Россию ожидает латиноамериканский, в частности аргентинский, как его часто называют, путь развития. Но не столь уж экономически слаб сосредоточенный по преимуществу в провинции национальный капитал. Сохраняют свой потенциал широкие круги научной и инженерной интеллигенции и высококвалифицированной части рабочих, которые прекрасно осознают свою общность и понимают отсутствие будущего в рамках латиноамериканского пути развития. Это в основном масса людей, сосредоточенных в военно-промышленных организациях, на производствах с высокими технологиями.

Поэтому не исключено, что стране удастся изменить траекторию движения, встать на путь становления информационной экономики, информационного капитализма, интенсивного развития среднего класса. В этом случае изменится и характер социальных отношений, постепенно станет реальностью социальное государство, что для России с её общинным сознанием и традициями взаимопомощи является наиболее адекватной перспективой.

Итак, что же делать? При той реальной ограниченности ресурсов нынешней России почти невозможно в короткое время получить деньги от крупных монополий, изменить расстановку сил и систему привилегий высшего чиновничества и т. д. Следовательно, ни о каких революционных мерах ни в экономике, ни в системе социальных отношений речи идти не может - слишком много уже было в истории России и крови и трагедий. Сегодня достаточно очевидно, что скачкообразно решить существующие социальные проблемы, т. е. переключиться от олигархической системы к системе конкурентоспособного, демократического капитализма (скажем, западноевропейского типа), не удастся. Поэтому можно вслед за Мопассаном воскликнуть: «Да здравствует маленькая разница!». Иными словами, в государственной экономической и социальной политике может идти речь лишь об уточнении ряда ее элементов, например корректировке налоговой политики и т. д.

Основой изменения траектории развития может послужить понимание того ключевого обстоятельства, что капитализм (тем более капитализм неофитов советского разлива) требует разумного твердого государственного контроля. Правительство может и должно сохранить правомочие воздействовать на бизнес, обладающий единственным стимулом - прибылью. Опыт администрации великого американского президента Ф.Д. Рузвельта по вмешательству государства в экономику (не имевший ничего общего с советским тотальным стейтизмом) может и поныне служить образцом для стран с кризисной экономикой. К нормальной ориентации бизнеса на прибыль он добавляет принцип социальной ответст-

венности, гарантирующий обществу относительную экономическую и, особенно, социальную стабильность на основе государственного регулирования частной собственности.

Другими словами, нельзя допускать, как проповедают радикальные либералы, стихийно-инерционного развития страны на основе свободной игры рыночных сил. Общество, десятилетиями жившее в условиях директивно-плановой экономики и патернализма, не может естественным образом в немыслимо короткие сроки адаптироваться к столь резким переменам в окружающей среде лишь посредством спонтанных процессов социальной саморегуляции и самоорганизации. Обеспечение устойчивого развития страны с акцентом на изменения в качестве жизни и «человеческих качествах» (А. Печчеи) требует комбинации саморегулирования на основе рыночных сил и государственного регулирования.

Я полагаю, что исследования социологов помогут выяснить, каковы расстановка социальных сил в российском обществе, оправданность/неоправданность надежд на трансформацию России в демократическое общество, опирающееся на процветающую рыночную экономику.

Работа выполнена в рамках проекта «Переход к новой системе стратификации и изменения в характере социального воспроизводства в современном российском обществе» при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (№ 98-03-04206а).

Примечания

1. Ванагайте Р. Возьмите нас в независимость: Попытка самоанализа // XX век и мир. 1990. N 8. С. 31,32.
2. Шкаратан О.И., Радаев В.В. Правда этатизма против мифа о социализме / Квинтэссенция: Философский альманах. 1991. М., 1992, С. 95-119.
3. Межуев В. Социалистическая идея - шанс на будущее // Красные холмы. Альманах. М., 1999. С. 215-236.
4. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 171-173.
5. Шкаратан О.И., Коломиец В.П. Крах во спасение (Социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. 1993. N 1. С. 3-19.
6. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М, 1952. С. 549, 550-551.
7. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. С. 51, 153.
8. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
9. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М, 1990. С. 105.
10. Троцкий Л. Преданная революция. МЛ, 1991. С. 206.
11. Роговин В.З. Л.Д. Троцкий о социальных отношениях в СССР// СОЦИС. 1990. № 5.
12. См: Дойчер И. Адски темная ночь II Иностран. литература. 1989. N 3. С. 213.
13. Burnham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y., 1941.
14. Русское издание: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
15. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

16. Konrad J., Zeleni I. The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism. N.Y., 1979.
17. Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1.
18. Селеньи П., Конрад Д. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960-80-е гг. // Рубеж. 1995. № 6-7. С. 26.
19. Андреев С. Структура власти и задачи общества // Нева. 1989. № 1.
20. Ossowski St. Structura klasowa w społecznej świadomości. Lodz, 1957.
21. Nowak St. Changes of Social Structure in Social Consciousness // The Polish Sociological Bulletin. 1964, № 2. P. 43.
22. Wesolowski W., Slomczynski K. Social Stratification in Polish Cities // Social Stratification./ Ed. J.A. Jackson. Cambridge, 1968.
23. Wiatr I. Społecznstwo. W., 1965.
24. Machonin P. a kolektiv. Ceskoslovenska Spolecnost: Sociologicka analyza socialni stratifikace. Bratislava, 1969.
25. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966. С. 300-313.
26. Заславская Т.Н. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970. С. 103.
27. Тилкиджиев И. Слоевая структура на социалистического общество // Социологически проблемы. 1987. N 3. С 11-42.
28. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 203.
29. Заславская Т.П. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 3-4.
30. Social Stratification and Mobility in the USSR/Eds M. Yanowitch and W.A. Fisher. With commentary by S.M Lipset // International Journal of Sociology. N.Y. 1973. Vol. III. No 1-2.
31. The Social Structure of the USSR. Resent Soviet Studies/Ed, by M.Yanowitch. N.Y. 1986.
32. Teckenberg W. Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im international en Vergleich. Auf dem Wege zur industriaisierten Standegesellschaft? Munchen, Wien, 1977.S. 21, 16.
33. Idem. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology. 1981-1982. Vol. XI. No 4.
34. Idem. The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation: The USSR as an Estatist Society in Comparison with Class Societies // International Journal of Sociology. NY. 1989. Vol. 19. No 2.
35. Сабо М. «Социалистическая» рефеодализация // Венгерский меридиан. 1991. № 1.С. 51-52.
36. Horvat V. The Political Economy of Socialism. A Marxist Social Theory. N.Y., 1982.
37. Стоянович С. От марксизма к постмарксизму // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 148.
38. Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы: Послесловие//Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: Сб.: Пер. с англ. М., 1989.
39. Шкаратан О.И. От этакратизма к гражданскому обществу // Рабочий класс и современный мир. 1990. N 3.
40. Радаев В.В. Власть и собственность//СОЦИС. 1991. N 1.

41. Radaev V, Shkaratan O. Power and Property - Evidence from the Soviet Experience // International Sociology. 1992. No 3.
42. Shkaratan O. The Old and the New Masters of Russia. From Power Relations to Proprietary Relations // Sociological Research. 1992. No 5.
43. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М, 2000. С. 38.
44. Васильев Л.С, История Востока. М., 1994. Т.1. С. 13-48.
45. Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.
46. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989
47. Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. N 1-2. С. 59.
48. Чубайс И. Россия в поисках себя. М.,1998.
49. Сусоколов А.А. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. N2.
50. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы: Альманах. М.,1999. С. 188-189, 190.
51. Межуев В. Традиция самовластия в современной России //Свободная мысль. 2000. N 4. С. 94, 95.
52. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
53. Исаев И.А. История государства и права России. М., 1993.
54. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.,1998.
55. Черепнин Л.В. Земские Соборы русского государства в XVI-XVII вв. М., 1978.
56. Страхов А.П. Глубокие корни: Выборное начало и российская государственность // Свободная мысль. 1999. N 5. С. 114.
57. Лотман Ю. Труды по знаковым системам. Тарту, 1972. Вып. 15. С. 5-6.
58. Мир России - Евразия: Антология. М., 1995.
59. Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев. М., 1997.
60. Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 114.
61. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.
62. Кочетов А. Истоки «новой» социальной структуры//Свободная мысль. 1993. N 9. С. 66-73.
63. Гольденберг И.А. Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки//СОЦИС, 1995. N4.
64. Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. 1996. 20 июня.
65. Шмелев И. Пять лет реформ-пять лет кризиса//Свободная мысль. 1996. N 7. С. 65—67.
66. Буртин Ю. Выход из кризиса: инвентаризация иллюзий // Октябрь. 1997. N 8. С. 174, 175, 164.
67. Он же. Россия и конвергенция. Идеи Сахарова вчера, сегодня , завтра // Октябрь. 1998. N 1.
68. Российская газета. 1992. 20 авг.
69. Hedlund S. Russia's «Market» Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism. L., 1999. P. 338.
70. Лейн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. N 1.С. 15-16.

71. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Там же. С. 46.
72. Симония И. Становление бюрократического капитализма в России // Свободная мысль. 2000. N 3. С. 42, 45.
73. См.: Новая газета. 1998. 15-21 июня.
74. См.: Известия. 2000. 22 мая.
75. Обзор экономики России: Основные тенденции развития. 1999. IV. М., 1999. С. 123.
76. Московский комсомолец. 1998. 4 ноября.
77. Новая газета. 1998. 16-22 марта.
78. Русский телеграф. 1997. 11 ноября.
79. Московские новости. 1998. 2-8 февраля.
80. Известия. 1998. 17 марта.
81. Московские новости. 1995. 24-31 декабря.
82. Известия. 1997. 13 мая.
83. Московские новости. 1995. 24-31 декабря.
84. Московские новости. 1998. 15-22 марта.
85. Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
86. См. подборку статей «Политическая элита России» // Мир России. 1995. N 3-4,
87. Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор//Полис. 1993. N4. С. 29.
88. Заславская Т.Н., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. N4.
89. Средний класс в российском обществе / РНИСиНП. М, 1999.
90. Тихонова И.Е. Факторы стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
91. Балабанов С.С. Социальные типы и социальная стратификация // Социологический журнал. 1995. N2. С. 116.
92. Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. N2. С. 134-142.
93. Шкаратан О.И., Сергеев Н.В. Реальные группы: концептуальный подход, эмпирическое исследование // Общественные науки и современность. 2000. N 5.